

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет

Н. В. Глухих
И. Г. Казачук
Г. А. Шиганова

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Монография

Челябинск • 2024

УДК 371.315.4:808.2
ББК 74.2
Г55

Рецензенты:

д-р пед. наук, профессор Е. Ю. Никитина;
д-р филол. наук, профессор М. Л. Кусова

Глухих, Н. В.

Г55 Методические аспекты работы с текстом на уроках русского языка : монография / Н. В. Глухих, И. Г. Казачук, Г. А. Шиганова. – Челябинск, 2024. – 142 с.

ISBN 978-5-6051943-7-8

В монографии представлены различные подходы к организации изучения русского языка в общеобразовательной школе на основе использования высокохудожественных литературных текстов. Рассмотрены методические аспекты филологического анализа текстов на уроках русского языка, а также контекст как индикатор разграничения синонимии лексем и фразеологизмов на уроках в начальной школе. Монография адресована учителям, научным работникам, преподавателям и студентам педагогических вузов и колледжей.

УДК 371.315.4:808.2
ББК 74.2

ISBN 978-5-6051943-7-8

© Глухих Н. В., Казачук И. Г.,
Шиганова Г. А., 2024

Содержание

Введение.....	4
1 Филологический анализ текстов на уроках русского языка в общеобразовательной школе.....	6
1.1 Синкретизм речевых жанров в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».....	6
1.2 Изучение глагольных форм, реализующих волеизъявление, с использованием поэтических текстов	9
1.3 Лингвистические средства создания портретных характеристик в рассказах И. А. Бунина.....	18
1.4 Стереоскопичность и рельефность образа героини в тексте-портрете (на материале рассказа И. А. Бунина «Камарг»)	26
1.5 Императивные высказывания в произведениях Н. В. Гоголя.....	36
1.6 Особенности функционирования грамматических форм процессуальных единиц, их роль в языковой и структурно-композиционной организации поэтических текстов З. Н. Гиппиус	41
1.7 Речевые жанры, реализующие функциональную оценочность в произведениях Н. В. Гоголя.....	50
1.8 Побудительные конструкции в лирике В.В.Маяковского	57
2 Контекст как индикатор разграничения синонимии лексем и фразеологизмов (в помощь учителю начальных классов).....	63
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	132

Введение

Обучение русскому языку в современной школе осуществляется в условиях значительных изменений во всей системе образования. В новом Законе «Об образовании» обозначена главная направленность ФГОС — это повышение качества образования. Решение этой проблемы связано с модернизацией содержания образования, оптимизацией способов и технологий организации образовательного процесса и, конечно, переосмыслением цели и результата образования. В основе обучения лежит компетентностный подход, связанный с формированием ключевых компетентностей, одной из которых является коммуникативная компетентность.

Современная жизнь требует от ученика свободного владения языком, умения общаться с различными людьми в различных ситуациях, не испытывая при этом чувства дискомфорта. Поэтому формирование умений связно изложить мысли в устной и письменной форме, анализировать и совершенствовать написанное, умение грамотно высказать мнение по обсуждаемому вопросу — одно из самых важных направлений в развитии речемыслительной деятельности учащихся.

Практика показывает, что современные школьники, чрезмерно увлеченные компьютером, телефонами, все больше в своем общении используют сленговые выражения, сокращенные слова, зачастую заменяя живую, культурную речь мимикой и жестами. Такие дети затрудняются в создании самостоятельных связных устных, а особенно письменных высказываний. Поэтому с уверенностью можно сказать, что проблема культурного общения школьников — одна из самых важных на сегодня. Ведь именно коммуникативная компетентность начнёт играть основополагающую роль, помогая в профессиональной подготовке и трудовой деятельности.

Работа с текстом на уроках русского языка позволяет развивать творческий потенциал учащихся, пополнять их словарный запас, улучшать качество речи. Текст — это основа создания на уроках русского языка

развивающей речевой среды. Использование текста при изучении русского языка обеспечивает решение таких важных проблем школьного образования, как приобщение учащихся к духовному богатству и красоте родного языка, воспитание бережного и вдумчивого отношения к слову.

Кропотливая, постоянная работа с текстом на уроках должна, на мой взгляд, проводиться с опорой на произведения русской классической литературы. Обращение к «безукоризненным образцам» — одно из средств создания развивающей личностно речевой среды, результативное средство, позволяющее сформировать у учащихся приемы построения текстов.

1 Филологический анализ текстов на уроках русского языка в общеобразовательной школе

1.1 Синкретизм речевых жанров в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»

Одним из ведущих подходов к филологическому анализу текста является антропоцентрический подход, предполагающий пристальное внимание к такому важнейшему элементу коммуникации, как высказывание. «Типичные формы высказываний» М. М. Бахтин назвал речевыми жанрами [1, с. 250], при этом все ученые, исследовавшие речевые жанры, не оспаривают того, что в реализации речевого жанра отражается личность и идиостиль автора.

Традиционная точка зрения на классификацию речевых жанров сложилась еще в конце XX века, наиболее четко сформулирована Т. В. Шмелевой, в ней основным критерием классификации считается коммуникативная цель высказывания: информативные, императивные, оценочные, этикетные [2, с. 91–92]. Однако в реальной коммуникации всегда возможна множественность способов представления мысли автора, с одной стороны, и множественность её интерпретаций адресатом – с другой. Это зависит от информационного фона, контекста, ситуации общения, эмоционального состояния адресантов и т.д. Вследствие этого в художественных текстах нередко так называемые синкретичные высказывания, несущие содержательные и формальные признаки разных речевых жанров, которые «выступают как конденсаторы семантики, характеризуются более богатыми сочетаемостными возможностями, чем типичные явления, обладают поли-функциональностью и отличаются особой экспрессивностью» [3, с. 11]

Проиллюстрируем данную проблему на примере поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [4]. Поэма как программное произведение русской классики, поднимающее ряд гуманистических проблем, отражает многообразие и сложность человеческой мысли. Показательно в этом смысле

императивное поле поэмы. Некрасов использует разные императивные жанры, для примера приведем *просьбу, мольбу и требование*. Центральное место среди обычных средств выражения каждого из перечисленных жанров занимают ключевые перформативы «Я прошу», «Я умоляю», «Я требую», но в художественном тексте, тем более, в поэтическом, не всегда уместны данные элементы. Высказывание, оформленное, как просьба, содержит эмоционально-оценочные единицы, усиливающие иллокутивный эффект, кроме того, информативная часть содержания этого высказывания очередной раз возвращает нас к основной мысли произведения:

«Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?» («Помещик»).

Н. А. Некрасов в таких высказываниях широко использует обращение, выраженное лексемой с суффиксами субъективной оценки, что характерно для народно-поэтического языка.

Апеллирует к эмоциям адресата *мольба*:

«Открой мне, мать божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной, —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!...» («Губернаторша»).

Повторы, синтаксический параллелизм, близость к народной стилистике в выборе лексем формируют народно-поэтическую интонацию поэмы. Поэтому неизбежны эмоционально-оценочные морфемы, оценочные лексемы, эпитеты, обращения, усиливающие эмоциональное воздействие.

Такое высказывание, как требование, должно быть направлено на подавление воли, исполнение воли говорящего. В данном примере требование также включает элементы других речевых жанров:

«А ты не лезь с ручищами!

Докладывай, доказывай

Сперва, чем счастлив ты?» («Счастливые»).

Как и в предыдущих примерах, используются эмоционально-оценочные единицы; вопросная форма речи относит читателя к основному информационному фону произведения.

Приведенные высказывания по природе своей императивные, так как реализуют коммуникативную цель – побуждение адресата к действию. Они узнаваемы по главному признаку императивности – предикативному, выражают побуждение, повеление. Наиболее ярко это проявляется в употреблении глаголов в форме повелительного наклонения. При этом синкретизм заключается в первую очередь в сочетании императива с оценочностью (эмоциональной оценочностью), а также в наличии элементов информации, содержательных или формальных. Включение в императивные высказывания элементов оценочности – это отражение отношения автора к содержанию и предмету изображения. Синкретичные высказывания отличаются тематическим, логическим и синтаксическим единством, служат выражению авторского замысла и способствуют более полному пониманию произведения читателем.

1.2 Изучение глагольных форм, реализующих волеизъявление, с использованием поэтических текстов

Процессы, происходящие в современном обществе, оказывают влияние на все институты жизни. Эти изменения охватывают и современную систему вузовского образования. Сегодня в нее активно проникают инновации, диктуют необходимость осознания современных целей, пересмотра характера взаимодействия участников педагогического процесса, выбора более эффективных средств обучения и воспитания. Активная коммуникация, являющаяся неотъемлемой частью современного образа жизни, требует умения ясного и четкого выражения человеком своего волеизъявления. Побуждение, волеизъявление – «это прежде всего активная желательность, выражаемая говорящим и направленная на слушателя» [1, с. 21].

В стилистическом отношении категория волеизъявления представляет интерес благодаря «развитой синонимии и яркой экспрессивной окраске ряда глагольных форм» [2, с. 75].

Результативность протекания побудительного акта зависит и от говорящего, и от слушающего. Намерения их в определённых речевых ситуациях могут совпадать и не совпадать. Поэтому в системе изучения глагольных категорий в курсе современного русского языка особое место занимают конструкции со значением побуждения к действию и стремления к действию. Представляемые далее материалы в основном репрезентируют именно эти значения.

Необходимо, чтобы занятия родным языком превратились в увлекательные и интересные. Преподаватель в своей деятельности должен создать условия для осуществления процессов саморазвития и самореализации студента, этого требует сегодня профессиональный стандарт педагога [3]. Практическое занятие с учетом этого требования включает в себя развитие связной речи студентов на основе работы с художественным текстом, предполагает организацию исследовательской лингвистической работы на

текстовом материале, который выступает как объект изучения. В центре такого занятия будет слово, которое рассматривается во взаимосвязи всех его сторон: эстетической, семантической, грамматической, стилистической.

Занятия с использованием художественных текстов позволяют решить следующие задачи: способствуют активизации деятельности учащихся; дают возможность повысить интерес к языку, ощутить радость открытия; развивают коммуникативно-эстетические возможности учащихся через активизацию их речи; воспитывают потребность узнавать все больше и больше, т.о. являются средством языкового развития личности обучающегося. Вопрос о способах выражения такой категории, как волеизъявление, весьма актуален в настоящее время, так как в человеческой коммуникации постоянно возникает необходимость побуждения к действию, как прямого, так и косвенного.

Побуждение – это акт, предполагающий наличие двух участников: говорящего и слушающего, адресата и адресанта, характеризующийся стремлением говорящего заставить адресата совершить что-то (не совершить что-то), что говорящему представляется желательным (или нежелательным), а иногда и необходимым. В основе побудительности, таким образом, лежит волевой импульс говорящего, включающий в себя целенаправленную желательность и осознанную необходимость, который передаётся адресату с намерением вызвать его реакцию.

Значение побуждения понимается широко, так как практически каждое высказывание так или иначе предполагает какую-либо реакцию собеседника или аудитории, а следовательно побуждает к чему-то.

Основные критерии отнесения предложений к разряду побудительных достаточно определены:

- выражение адресованного волеизъявления, т. е. обязательное наличие двух участников коммуникативного акта;
- побудительная интонация, выражающая побуждение вместе со специальными грамматическими средствами, а часто выступающая как

определяющее, основное средство передачи и разграничения частных побудительных значений.

Важнейшее средство репрезентации волеизъявления – форма повелительного наклонения глагола, которая всегда связана с определенной речевой ситуацией, так устно или письменно выражается воля адресанта по отношению к адресату, собеседнику. Прагматический аспект форм повелительного наклонения неоднократно отмечался в лингвистических исследованиях [4, 5].

Кроме того, в художественном тексте волеизъявление может быть оформлено с использованием ряда глагольных форм, например, повелительного наклонения и инфинитива [6, 7].

Источником материала для обучающего анализа неслучайно стали поэтические тексты В.В. Маяковского, «феномен Маяковского как одного из ярчайших творцов XX века продолжает быть в центре исследовательских интересов отечественных и зарубежных ученых» [8, с. 155]. В текстах произведений В.В. Маяковского находим яркие примеры поэтического выражения побудительности (волеизъявления), ведущей формой выражения побуждения является повелительное наклонение. Доминирование в текстах поэта форм 2 лица единственного числа обусловлено в первую очередь тем, что это основная конструкция, которая передаёт императивное значение. Чаще всего встречается побуждение выраженное формами, обозначающими непосредственное обращение к собеседникам с предложением выполнить или не выполнять то или иное действие (т.е. простая форма повелительного наклонения в ед. и мн. ч.): *Глубже в перья, душа, уложись!* (В. Маяковский – далее – В.М. «Росси!»). Отдельно хотелось бы выделить примеры вежливого побуждения, обращенные к одному собеседнику, но выраженные формой множественного числа: *Я ученый малый, милая, громыханья оставьте ваши...* (В.М. «Гейнеобразное»). Гораздо менее продуктивной оказалась аналитическая форма повелительного наклонения (пусть + гл. 3л.), т. е. форма побуждения к действию лица, не участвующего в диалоге. В таких предложениях проситель

своим высказыванием выражает желание, чтобы действие свершилось, эмоциональная экспрессия в прошении отсутствует или заметно ослаблена, таким образом аналитическая форма передает побудительно-пожелательную семантику: *Скажите Москве – пускай удержится! Не надо! Пускай не трясется!* (В.М. «Я и Наполеон»); *Пусть в зале совсем потонут зрочки – Все равно их зря отец твой выделал* («Гимн обеду»). Лексическими средствами выражения побуждения являются глаголы с семантикой волеизъявления в любых грамматических формах: *Я по праву **требую** пядь в ряду беднейших рабочих и крестьян* (В.М. «Разговор с фининспектором о поэзии»); *Мы **требуем** мира. Но если тронете, мы в роты сожжемся, сжавши рот* (В.М. «На Западе все спокойно»). Широко представлены в лирике В. Маяковского безглагольные побудительные конструкции, организуемые наречиями, предложно-падежными формами существительных, междометиями: ***Вперед** тракторам на целине!* (В.М. «Марш удачных бригад»); ***Прочь**, служивый!* (В.М. «История про бублики и про бабу, не признающую республики»); ***Еще! О, еще! О, ярче учи, красноязыкий оратор!*** (В.М. «Революция»). Помимо повелительного наклонения, в стихотворениях поэта для выражения волеизъявления используется инфинитив: *С его мандатами какой, скажите, риск? С его знакомствами ему считаться не с кем. Соседу по столу, напившись в дым и дызг, орет он: «Гражданин, **задернуть** занавеску!»* (В.М. «Помпадур»); *Каждому в лапки **дать** по тряпке. За спину ведра – и марш бодро!* (В.М. «Канцелярские привычки»); *Смерть – **не смей!*** (В.М. «Комсомольская»).

Приведем ряд примерных заданий для студентов филологического факультета, составленных на основе поэтических текстов В. Маяковского, направленных на формирование профессиональной компетенции, в частности, на знание структуры русского языка, его уровней и основных единиц; умение характеризовать лексическое значение, морфемный, морфологический состав слова, структуру словосочетания, простого и сложного предложения; производить анализ трудных и переходных случаев в разных разделах

современного русского языка; владение навыками интерпретации активных процессов в области русского языка, навыками аргументации в лингвистическом анализе языковых единиц разного уровня.

Упражнение 1. Спишите, раскрывая скобки: поставьте глаголы в форму повелительного наклонения 2 лица ед.ч. (примеры 1-5), 2 лица мн.ч. (примеры 6-9). Назовите способы образования повелительного наклонения. Какая морфема образует форму множественного числа в глаголах повелительного наклонения? В каких предложениях по цели высказывания употребляются данные глаголы?

1. Дяденька, (бросить), а то уронишь. 2. (Гулять), пока не взят за жабры!
3. Чаи (гнать), (гнать), поэт, варенье! 4. (Сиять), Москва! 5. Вдруг прикажут – (дирижировать)! – хвать, а палочек и нет! 6. (Скинуть) с обложки нуля колесо!
7. (Приходить) после дождичка в четверг! 8. (Завернуть) ваше знамя! 9. Когда канонизируете имена погибших, меня известней, – (помнить): еще одного убила война – поэта с Большой Пресни!

Упражнение 2. Прочитайте примеры предложений из текстов произведений В. Маяковского. Квалифицируйте структуру форм повелительного наклонения (простые, составные), способы и средства выражения, определите тип волеизъявления (прямое побуждение, опосредованное побуждение, побуждение к совместному действию). Укажите модальные оттенки волеизъявления (приказ, команда, запрет, призыв, совет, предложение, просьба, мольба, побуждение-пожелание, позволение и т.д.). Отметьте случаи употребления процессуальных фразеологизмов в форме повелительного наклонения:

1. Ладно, не горюй, смотри на вещи просто! 2. Давайте не взятки брать, а взяточника брать за шиворот! 3. И нечего доказывать – идите и берите. 4. – Ну, не ври! 5. Давайте весенних бабочек ловить сетью ненужных нервов! 6. Сами себе не зажимайте рот: увидев безобразие, не проходите мимо и поступайте не по стиху, а наоборот. 7. Пусть толпы в небо вбивают топот! 8. Будьте добры, причешите мне уши. 9. Сжался хоть ты, не мучай! 10. Наполним нефтью

республики бак! 11. Давайте устроим веселый обед! 12. Да здравствует восстание за власть Советов! 13. ...влюбляйтесь под небом харчевен в фаянсовых чайников маки! 14. Рабочий, крестьянин, швабру возьми, метущую чисто и густо, и, месяц метя часов по восьми, смети халтуру искусства. 15. Шаг держи! Не теряй темп! 16. Агитпропщики! Не лезьте вон из кожи. 17. Ищите свой корень и свой глагол, во тьму филологии влазьте. 18. Товарищи юноши, взгляд – на Москву, на русский вострите уши! 19. Бежим, ребята, чтоб нам не влетело! 20. Не втыкайте в работу клинья. 21. Идем запутавшемуся миру на выручу! 22. Скажите Москве – пускай удержится! Не надо! Пускай не трясется! 23. Давайте, товарищи, шагать в ногу! 24. Идемте, башня! Идемте к нам! 25. Пока не поздно – конец положи этой горланной и грязной язве!

Упражнение 3. Прочитайте данные предложения из текстов произведений В. Маяковского. Определите, какую функцию в них выполняет частица -ка.

1. А даром немного дарит гора: лишь воду – поди, попей-ка! 2. Вот когда к ребру душа примерзла, ты ее попробуй отогрей-ка! 3. Ублажь, да уважь-ка! 4. Закройте-ка недра благоухающего ротика! 5. Граждане, вы не врите-ка, что это – самокритика! 6. Станьте и не пылите-ка!

Упражнение 4. Внимательно прочитайте предложения из текстов произведений В. Маяковского. Определите, с помощью каких средств в них выражена семантика волеизъявления. Сгруппируйте предложения по способу выражения волеизъявления. Сделайте вывод о том, как в русском языке может выражаться данное значение.

1. Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить – и никаких гвоздей! 2. Мама, громче! 3. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза. 4. Нам – не ныть! 5. Прочь, служивый! 6. Купите платочек! 7. Прочесь и расходись, козыря! 8. Назад же! 9. Подать резолюцию! 10. Ни с места! Скажите, кем из вас в окне пристрелен Жорес?... Зорче, рабочий класс! Товарищ Жорес, не дай убить себя во второй раз. 11. С великим князем? - Будет врать! 12. Остановить велите! 13. Спасибо... не тревожьтесь...я постою... 14.

Вперед, переплетчики, а я – за вами. 15. За спину ведра – и марш бодро! 16. Граждане, за ружья! 17. Смерть двуглавному! 18. «Пожарных! Горит Мурильо!» 19.левой! 20. Хлеба! Хлебушка! Хлебца!

Упражнение 5. Проследите за тем, как по-разному можно прочитать побудительные предложения из текстов произведений В. Маяковского. При первом прочтении выразите голосом дружеский совет, при втором – настойчивое требование. Оцените, удалось ли вам передать заданную интонацию.

1. Прекратите ваши трели! 2. Железо куй, пока горячее. 3. Дура, плакса, вытри! 4. Эй, проснитесь, которые спят! 5. Уберите этот торт!

Упражнение 6. Найдите в примерах из текстов произведений В. Маяковского формы повелительного наклонения, отметьте среди них формы окказиональных глаголов, глаголов с особенностями в образовании повелительного наклонения, аграмматизмы. Подумайте, с какой целью поэт использует данные формы.

1. Огнем пустыри расфабричь! 2. Огнями ламп просверливай мрак, республику разэлектричь. 3. Что ж, сиди и в плаче Нилом нилься. 4. Товарищи газетчики, СССР оглазейте, – как понимается описываемое в газете. 5. Товарищи, вовсю из глоток из всех – да так, чтоб врагам аж смеяться, сегодня раструбливайте радостный смех! Нам есть над чем посмеяться! 6. Перья-облака, закат расканарейте! 7. Не юбилейте! 8. Молодцом на коня боевого влазь, по земле пехотинься пеший. 9. С неба землю всю глазами оглазь, на железного коршуна севши. 10. Чтобы стать поэту крепкой веткой – выкрепите мастерство! 11. Что ж пожалте в уха в оба. 12. Посмотри, на площадь выйди – ни крестьян, ни ситника. 13. Маячь на юг! 16. А вы, именье возьми подпальни... 17. Чего еще, живи, бронзовой, вторая сестра Элладова! 18. «Видь, окно разломай, а бритвы раздай для жирных горл». 19. Страна Советов, чисть себя – нутро и тело чтоб, чистотой своей блестя, республика глядела. 20. Чтобы стать поэту крепкой веткой – выкрепите мастерство! 21. Скорей над

мексиканским арбузом, багровое знамя, взметись! 22. Тело обвей в сплошной электрический ветер. 23. Кончай с деревней серенькой, вставай, который сер!

Упражнение 7. Квалифицируйте выделенные формы. Отметьте случаи: а) омонимии форм глагола (омоформы, омографы); б) синонимии форм наклонения глагола (употребление форм одного наклонения в значении другого).

1. *Наполним* нефтью республики бак! Уголь, *расти* от добыч! (В. М.) 2. Лет до ста *расти* нам без старости (В. М.). 3. Тише – полночный час скоро пробьет. Чинно *наполним* широкие чаши (А. Фет). 3. *Ешь* ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй (В. М.). 4. Вперед! Пятилетку в четыре года *выполним*, вымчим, закончим (В. М.). 5. Как другие плетут письма – я не знаю, нет сил, не умею, не могу, *отпустите* меня (Б. Ахмадуллина). 6. В далеком алтаре у образа Мадонны Мы молча *выполним* обещанный обет (И. Эренбург). 7. Попробуй к такому – *полезь!* (В. М.) 8. *Скажем*, строчка закончилась словом отца, и тогда через строчку, слога повторив, мы ставим какое-нибудь: ламцадрица-ца (В. М.). 9. Мы не *скажем* ему, как вздыхаем по югу, по гляncy Средиземной листвы ... (А. Кушнер). 10. А зачем нам скрываться? *Давай скажем* все как есть. Почему мы не можем любить друг друга открыто (Ю. Нагибин). 11. *Смотрите* – срываю игрушки-латы я, величайший Дон-Кихот! (В. М.) 12. *Помните*: под ношей креста Христос секунду усталый стал (В. М.). 13. Вы Ганнибала *помните?* Мастак он был в делах, достиг чинов немалых... (Б. Ахмадуллина). 14. Прибежал, *пошел* лобызаться с женой, чаю выдул – стаканов до тыщи... (В. М.). 15. А впрочем Человек Как вол Давай Дружной Тащи *Пошел* (И. Холин). 16. Убьете, *похороните* – выроюсь! (В. М.). 17. *Похороните* меня рядом С моей последней неудачей... (В. Блаженный). 18. Чем так, без дела заходить, ко мне на чай *зашло бы!* (В. М.) 19. Нам критика из года в год нужна, *запомните* (В. М.) 20. *Помните ж* – лицо у меня одно – оно лицо, а не флюгер (В. М.) 21. Как же в лес *отпустите* папу? (В. М.) 22. Слушайте, литературная братия! *Сидите*,

глазенки в чайшко канув (В. М.). 23. *Сидите* вы, пожалуйста, сидите И оставайтесь с нами на ночлег (А. Твардовский).

Упражнение 8. Прочитайте отрывки из текстов произведений В. Маяковского. Найдите примеры, в которых семантика волеизъявления выражена с помощью инфинитивных форм глагола. Подумайте, почему поэт использует эти формы вместо специализированных?

1. Гражданин, задернуть занавеску! 2. Наша жизнь – в грядущее рваться, оббивать его порог... 3. Каждому в лапки дать по тряпке. 4. Маяковского по суду считать безусловно оправданным! 5. Смерть – не сметь! 6. Разузнать немедля имя-отчество! 7. А ругаться захочется – врагов много по другую сторону красных баррикад. 8. Нам есть над чем посмеяться! 9. Провинция! – не продохнуть! 10. Даже если Казбек помешает – срыть! Все равно не видать в тумане.

Упражнение 9. Определите способы и средства выражения волеизъявления в стихотворении «Левый марш». Какие функции выполняют формы с семантикой волеизъявления в поэтическом тексте?

Основной особенностью занятий с использованием художественных текстов является то, что в ходе работы студенты наблюдают и исследуют «поведение» языковой единицы в авторском тексте. В зависимости от изучаемого языкового явления задачи занятия варьируются, но общими для всех являются следующие: сформировать умение обнаруживать изученное языковое явление в авторском тексте; выявить особенности функционирования его в художественном произведении; понаблюдать, как автор, используя семантические возможности слова, создает художественный образ. Использование на занятиях по современному русскому языку текстов произведений В. Маяковского позволяет ярко проиллюстрировать основные способы выражения побуждения в русском языке: формы повелительного наклонения глагола; модель «*модальный квалификатор + инфинитив*»; глаголы и процессуальные фразеологизмы с семантикой волеизъявления;

инфинитив; междометия; наречия; безглагольные конструкции, где основная роль отводится интонации.

Изучение способов выражения волеизъявления на материале художественных текстов В. Маяковского эффективно формирует умения квалифицировать и классифицировать грамматические формы, характеризовать пограничные случаи, случаи грамматической синонимии и омонимии в изучаемом материале, способствует усвоению важных стилистических понятий и формированию стилистических умений.

Занятия с использованием художественных текстов помогают решать проблему успешной коммуникации. Чем чаще обучающийся задерживает свое внимание на авторском слове, тем требовательнее он будет относиться к слову, сказанному им самим.

1. 3 Лингвистические средства создания портретных характеристик в рассказах И. А. Бунина

И. А. Бунин, несмотря на ограниченные по объему тексты, за счет максимальной нагрузки языковых единиц, их семантического, художественно-образного потенциала смог создать образы-портреты двух женщин, похожих и в то же время разных, передать их красоту, переплетая земное, материальное и возвышенное, бестелесное, знакомое, близкое и далекое, таинственное.

Необычное наполнение получают в авторском тексте тропы: эпитеты, метафоры, сравнения. Для передачи авторского отношения к героиням рассказов используются фонетические средства художественной выразительности (аллитерации, ассонансы) единицы словообразовательного уровня: суффиксы субъективной оценки, морфемы с разной степенью коннотации. Динамические по семантике грамматические единицы (глагольные формы) используются для передачи процессуальной характеристики; статичные по семантике средства (ряд прилагательных, существительные, наречия) создают впечатление картины жесткого материального мира, окружающего героиню.

И. А. Бунин сочетает в себе талант как прозаика, так и поэта, поэтому рождаются черты лиричности в его прозе, общие стороны характера лирического героя в прозе и лирике.

В своих поздних рассказах «Камарг» и «Сто рупий», вошедших в сборник «Темные аллеи», И. А. Бунин со свойственной ему поэтичностью очень подробно, тонко и чувственно описывает двух героинь. Влияние поэзии на язык прозы позднего Бунина усилилось, делая его еще более проникновенным, интимным, приобщая «прозу жизни» к таинству вселенной.

Литературовед А. А. Саакянц пишет: «Подобно живописцу и ваятелю, рисует, лепит Бунин Красоту, воплотившуюся в женщине... В «Темных аллеях» женщины вообще играют главную роль. Мужчины – как бы фон, оттеняющий характеры и поступки героинь; мужских характеров нет, есть лишь их чувства и переживания, переданные необычайно обостренно и убедительно. В рассказах Бунин он всегда устремлен к ней, влекомый желанием непременно постигнуть тайну, магию неотразимого женского очарования» [1, 40].

Как отмечают исследователи, в рассказах-портретах «Камарг» и «Сто рупий» запечатлен тип восточной женщины [2, 125]. В «Камарге» это жительница юга Франции, небогатая девушка, простолюдинка, однако она отличается от окружающих, приковывает к себе внимание в вагоне, «полным простым народом». Она наделена естественной, дикой, «первобытной» красотой. Несмотря на небольшой объем рассказа, образ камаргианки выписан довольно подробно, начиная с губ и заканчивая ступнями. Обилие прилагательных и причастий детализирует необычную внешность героини: цыганско-испанское тело, *«тонкое, смугло-темное лицо ... было древне-дико», «глаза, долгие, золотисто-карие, полуприкрытые смугло-коричневыми веками», жесткий шелк смольных волос, «руки, сухие, индусские, с мумийными пальцами и более светлыми ногтями», гибкая талия, «худая, голая, блестящая тонкой загорелой кожей ступня».*

В «Ста рупиях» Бунин также поет гимн женской красоте, причем героиня – представительница другой страны, а поэтому ее незаурядная внешность

остается глубоко в памяти читателей. Название этого рассказа отсылает в далекую Индию, так как рупия – денежная валюта этой страны. Малаец, который прислуживает героине, может быть из Малайзии, Сингапура или Таиланда, но в любом случае эти государства и республики находятся неподалеку от Индии.

Все дело в том, что И. Бунин в начале 1910-ых гг. вместе с женой посещают Францию, Алжир и Капри, Египет и Цейлон. Последний остров находится рядом с Индией. Бунин посетил Цейлон уже в 1911 году, интересовался идеями Буддийского канона. Эти идеи нашли отражение в рассказах «Ночь отречения», «Братья», «Сны Чанга», «Готами», «Соотечественник»). Смуглая кожа, черные глаза и волосы, пышная грудь, тонкая талия, полновесные бедра – этот тип женской красоты запечатлен в скульптурах Древней Индии. В нем причудливо сочетается древнее и современное, вечное и мгновенное, приходящее и неизменное, прекрасное и порочное, явно видимое и таинственное. Внимание И.А. Бунина к восточной культуре ощущается по неоднократно наблюдающемуся в рассказах типу женщины с восточными чертами. Возможно, находясь во Франции, писатель вспоминает свою поездку, все, что видел во время путешествия.

Рассказы состоят из трех абзацев. В первом идет описание того, что окружало героинь, во втором – описание самих героинь, и, наконец, в третьем абзаце мы вместе с рассказчиком переводим взгляд с героини на другого персонажа (в «Камарге» это провансалец, в «Ста рупиях» – малаец). В рассказах мы видим героинь глазами самого рассказчика, испытываем вместе с ним одинаковые чувства, так мастерски воздействует на читателя И.Бунин.

В «Камарге» героиня показана в вагоне, состоящем не из купе, а разделенном только скамьями, в результате чего сидевшие лицом к ней пассажиры *«то и дело пристально смотрели на нее»*.

В начале рассказа «Сто рупий» рассказчик дает справочный материал: где (во дворе гостиницы), когда (утром) он видел героиню; почему именно там (в те дни он там жил), как часто видел ее (каждое утро). Но даже в такое сухое

повествование И. Бунин включает языковые средства, придающие ему картинность, яркость, образность. Описание начинается вовсе не с героини, а с гостиницы: *Я увидел ее однажды утром во дворе той гостиницы, того старинного голландского дома в кокосовых лесах на берегу океана, где я прожил в те дни. И потом видел ее там каждое утро.*

Окружающая гостиницу природа чужой страны завораживает своей красотой. И на фоне такого необычного пейзажа мы вместе с рассказчиком видим героиню, красота которой соответствует фону: *Она полулежала в камышовом кресле, в легкой, жаркой тени, падавшей от дома, в двух шагах от веранды.* Глагол «полулежала» повторяется в тексте: *... а она полулежала и медленно помахивала соломенным веером, мерно мерцая черным бархатом своих удивительных ресниц... И она полулежала и молчала, мерно мерцая черным бархатом своих ресниц-бабочек, медленно помахивая веером...* Эти предложения похожи своим лексическим наполнением. И. Бунин акцентирует на них внимание, они важны для понимания природы персонажа.

В рассказе «Камарг» героиня ассоциируется с образами обезьяны и змеи, то есть с приземленными животными (что никак не умаляет красоту камаргианки). В «Ста рупий» ресницы героини сравниваются с бабочками, парящими над землей, легкими, грациозными насекомыми. Но и в той, и в другой автор подчеркивает природное, дикое начало.

В рассказе «Сто рупий» мы не находим такого детального описания девушки, как в рассказе «Камарг». Особенно важны для Бунина в образе героини черные ресницы, которые напоминают *«тех райских бабочек, что так волебно мерцают на райских индийских цветах».*

Неслучаен повтор слова «райский», рождающего разные ассоциации. Во-первых, героиня легкая, возвышенная над всеми своей красотой. Ее «маленькое» тело, уши и «детское» лицо придают воздушность образу, а «волосы, высоко поднятые прической» показывают устремленность героини вверх. Во-вторых, героиня неземная. По мнению автора, ей не подходят обыденные понятия из жизни людей: *«Красота, ум, глупость – все эти слова*

никак не шли к ней, как не шло все человеческое». Поэтому казалось, что «поистине, была она как бы с какой-то другой планеты». И, наконец, «единственное, что шло к ней, была бессловесность».

Героиня рассказа прекрасна и без слов, поэтому даже если она «полулежала и *молчала*», если в описании ее лица не упоминаются губы, она все же красива.

Некую легкость, абстрактность образу также придают существительные с суффиксом -ость- со значением отвлеченного признака («*грубость*», «*нежность*», «*бессловесность*»).

У героини с ресницами-бабочками золотые серьги (показателен и эпитет в словосочетании «золотой чай», который приносит ей малаец). На ней одежда из яркой зеленой ткани, на ногах сандалии желтого дерева с красными лакированными ремнями. В руках – веер. Изображая предметы, окружающие героиню, автор отмечает разницу в их цене: обычный вагон и двор гостиницы, одноместная скамья и камышовое кресло и т.д.

Металлы, из которых сделаны украшения героинь, в сравнении наводят на следующие размышления. У камаргианки серебряные серьги, в ушах второй героини золотые дутые кольца. В геральдике золото символизирует богатство, силу, могущество, верховенство, а серебро – невинность, чистоту, откровенность. Но нужно отметить, что обе героини властвуют над мужчинами. Но у каждой она разная: камаргианка имеет власть над провансальцем силой своей красоты, недоступности, чистоты; героиня второго рассказа интересна для малайца лишь как объект, приносящий ему деньги.

Одежду каждой героини рассказчик описывает по-разному. В случае с камаргианкой дается более детальное изображение предметов одежды: верхняя сборчатая черная юбка, нижняя заношенная белая, выцветший голубой платок, черный тряпичный чувак, разноцветные ленты, переплетающие ступни. Выше было сказано о складывающейся ассоциации героини рассказа «Сто рупий» с образом бабочки, легкой, парящей. С этим же образом связано описание ее одежды: «*Ее тропически крепкое тело, <...> стан и бедра как-то повиты*

яркой зеленой тканью». Возникает ассоциация с куколкой, одной из стадий развития насекомого до полного преобразования – бабочки.

Стоит обратить внимание на различия волос героинь. Если прическа камаргианки ничем не утяжелена, и «вьющиеся локоны» придают ее образу естественность, непринужденность, то волосы героини второго рассказа, «высоко поднятые прической», вносят в ее образ некую искусственность. Дополнением к оппозиции естественное – искусственное может служить и неслучайно использованные И. Буниным прилагательные «*смольный*» при описании камаргианки («*Из-под жесткого шелка **смольных** волос...*») и «*дегтярный*» – при описании героини второго рассказа («*Дегтярные волосы, высоко поднятые прической...*»). Смола – природный материал. Деготь тоже смолистый жидкий продукт, но получаемый путём сухой перегонки дерева, то есть это материал, добытый человеком искусственным путем.

Описывая волосы камаргианки, Бунин использует метафору «*жесткий шелк волос*», которая придает поэтичность речи рассказчика и передает высокое чувство его к ней. При характеристике волос героини с ресницами-бабочками Бунин отмечает, что они «*странно не соответствовали своей грубостью нежности ее детского лица*».

Сравнивая глаголы и глагольные формы рассказов «Камарг» и «Сто рупий», можно найти важные различия. Глаголов в описании камаргианки немного, что естественно для рассказа-портрета, но они создают впечатление о героине как о свободной, независимой, уверенной в себе женщине: прошла по вагону, извиваясь всем телом, села, будто никого не видя, прикрыла глаза, положила ногу на ногу и откинулась к спинке скамьи. В «Ста рупиях» героиня статична: при ее описании И. Бунин не использует глаголов физического действия и движения. С первых строк описания: «*Она **полулежала** на камышовом кресле*». Лежать – статичный глагол, и, повторяясь несколько раз, он передает неподвижность героини в течение всего произведения. Повторяющееся действие передано глаголом «*помахивала*». Для описания

героини использованы некоррелятивные одновидовые глаголы несовершенного вида.

Обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, создают семантику одновременности: «...она *полулежала и медленно помахивала соломенным веером, мерно мерцая черным бархатом своих удивительных ресниц*»; «и она *полулежала и молчала, мерно мерцая черным бархатом своих ресниц-бабочек, медленно помахивая веером*». Деепричастия *мерцая, помахивая* также являются формами некоррелятивных по виду глаголов и передают статичность образа.

Описывая внешность героини, И. Бунин использует только страдательные причастия: «*нагота была открыта*», «*стан и бедра как-то повиты*», «*волосы, высоко поднятые прической...*», которые служат для передачи пассивности, апатии героини.

В рассказе «Сто рупий» важную роль качественные наречия: «тропически», «медленно», «мерно», «как-то», «высоко», «странно» и «неправдоподобно». Они создают образ действия или признака («мерно мерцая», «медленно помахивая», «тропически крепкое тело», «неправдоподобно огромны и великолепны»), вносят попутную, дополнительную информацию, выражают субъективную оценку рассказчика по отношению к героине, являясь инструментом передачи его внутреннего состояния.

Заслуживающим внимания также является факт отсутствия в рассказах имен героинь. Мы привыкли к тому, что каждое имя, название несет за собой какой-то определенный смысл, у каждого имени есть значение. Но наделяя своего героя именем, автор в какой-то степени вешает на него ярлык. Писатель в большинстве случаев делает это преднамеренно, с определенной целью. Например, имя Сонечки Мармеладовой из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского (Софья означает «мудрая»). Своей верой в Бога, своей мудростью она приведет Родиона Раскольникова к свету. Вспоминается также Софья из «Недоросля» Д.И. Фонвизин, которая наделена мудростью души, сердца,

добродетели. И.А. Бунин не дает своим героиням имена, тем самым освобождая их от ярлыков. Для него было важно показать чистый образ, без его предыстории, каким он предстал перед читателем, какое впечатление произвел, что останется после того, как он уйдет: какие эмоции, воспоминания. Героини для И. Бунина важны как носительницы красоты.

Эту мысль подтверждает также то, что героини не представлены в речевой ситуации: ни в монологе, ни в диалоге, ни в полилоге. Л. Гинзбург отмечает: «Прямая речь персонажей обладает <...> возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [3, 150]. В рассказах мы «не слышим» героинь, следовательно, не имеем «достоверных свидетельств» об их психологии, но можем предположить, какой характер у героинь рассказов, исходя из их внешнего вида и поведения. И тот и другой рассказ заканчивается единственной в тексте репликой второстепенного персонажа. В «Камарге» это провансалец, который грустно произносит: — *C'est une camarguaïaise* (Это – камаргианка). Эта фраза «бессмысленно-многозначна, подчеркивает исключительность впечатления, произведенного женщиной»[4]. В ней восхищение красотой камаргианки и сожаление о невозможности обладать ею.

Последняя фраза второго рассказа, принадлежащая малайцу (— Сто рупий, сэр), вызывает разочарование рассказчика и читателей, поскольку неземная красота незнакомки оказывается товаром. В сложившейся ситуации, как отмечают исследователи, «своеобразное осуждение, неприятие. Но не красоты, а пошлости современных нравов» [5, 329].

Коммуникация автор-читатель основана на определенных фоновых представлениях, в том числе и представлениях о норме. Репрезентацией отношения к норме является экспликация оценочных элементов. Оценочные прилагательные в описании – главное средство формирования коммуникативного впечатления. Следует заметить, что в коммуникативном плане герой и читатель как бы с одной точки смотрят на героинь, видят, к примеру, «удивительные» «великолепные» ресницы, нежное, почти детское

личико... Автор таким образом апеллирует к впечатлению читателя, просит приглядеться к образу, найти то необыкновенное, что заставило его самого обратить внимание на этих женщин.

У каждой героини своя красота, непохожая на другую: в образе камаргианки красота в натуральности (глаза, руки, даже пушок на верхней губе – это естественно, и это прекрасно, по мнению Бунина, естественно ее поведение), неземная красота героини второго рассказа заключается в ее загадочности, легкости и, конечно, в *«неправдоподобно огромных и великоленных»* ресницах.

Таким образом, роль языковых единиц в создании портретных характеристик обусловлена спецификой художественной речи. Фонетические, лексические, грамматические средства являются элементами художественного целого, они организованы в соответствии с задачами писателя, предопределены особенностями характера героинь. И.А.Бунин в небольших по объему рассказах, используя художественно-образный потенциал языковых средств, создал яркие, незабываемые противоречивые и цельные образы двух героинь, воспел красоту, воплощенную в них, переплетая земное, материальное и возвышенное, бестелесное, знакомое, близкое и далекое, таинственное.

1.4 Стереоскопичность и рельефность образа героини в тексте-портрете (на материале рассказа И. А. Бунина «Камарг»)

Сложность языковой стороны произведений предопределена сложностью художественного мира писателя, поэтичностью прозы позднего Бунина. Предметом анализа стали средства создания стереоскопичности и рельефности женского образа в данном рассказе на разных языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексическом, грамматическом (морфологическом и синтаксическом). Усиление фонетической выразительности прозы Бунина достигается с помощью аллитераций и ассонансов. На лексическом уровне выделена группа соматизмов, представляющих оппозицию «внешнее-внутреннее/ тело-душа», группа колоративов, приобретающих особый смысл в

характеристике персонажей, анималистическая лексика, раскрывающая «природность» образов и т.д. Основными тропами являются эпитеты, метафоры, сравнения, которые получают в авторском тексте необычное наполнение. Для передачи авторского отношения к героиням рассказов используются единицы словообразовательного уровня: уменьшительно-ласкательные суффиксы, морфемы с семантикой ослабленного признака, неполноты действия и др. На грамматическом уровне в структуре образов определены средства создания непроцессуальной характеристики: внешний вид, окружающий материальный мир (существительные, прилагательные, наречия); процессуальной характеристики: модели поведения персонажей (глагольные формы).

И. А. Бунина по праву считают одним из величайших стилистов в отечественной литературе. В его произведениях воплощены такие черты русской литературы, которые сам писатель считал «драгоценнейшими» в ней, – «неуловимая художественная точность и свобода» [1, с. 589], «образная (чувственная) память», знание народного языка, «изумительная изобразительность, словесная чувственность» [2, с. 51].

В рассказе «Камарг» мы видим героиню глазами рассказчика, вместе с ним восхищаемся ее красотой. Как только она входит в вагон, внимание находящихся там полностью переключается на нее. Автор описывает все, что ее окружает (где она села на поезд, как она прошла по вагону, куда села, что при этом делала и как отреагировали другие пассажиры на ее появление), мы можем разглядеть камаргианку детально, с головы до ног, от волос до ступни. Для Бунина важно запечатлеть ее извивающееся «цыганско-испанское» тело, каждую черту ее «тонкого», «смугло-темного», «древне-дикого» лица, «озаряемого блеском зубов». И каждая черта неповторима, важна, великолепна.

Детально прорисовывая образ героини, И. Бунин включает в речь, а точнее во внутренний монолог рассказчика, соматическую лексику. Он описывает каждую часть ее тела, для него важен и цвет этих частей. Как отмечает О. В. Старых: «Термин соматический используется в биологии и

медицине в значении «связанный с телом человека, телесный» и противопоставляется понятию «психический» [3, с. 80]. Но в языке все иначе: «Там, где речь идет о движении души, мы особенно часто обращаемся к функциям тела и таким образом концептуализируем эмоции» [2, с. 100]. По мнению О. В. Старых, «к соматизмам можно отнести и такое слово, как душа, так как оно часто является синонимом к единице сердце, а слово сердце в церковнославянском языке в значении «душа человеческая» используется чаще, чем в своем прямом значении» [3, с. 84]. Таким образом, в типологии соматизмов выделяется оппозиция «внешнее/внутреннее»: части тела и душа. В исследуемом рассказе «Камарг» представлены оба варианта соматизмов: описание частей тела героини (и в этом случае она представляет собой объект описания) и душа рассказчика, а точнее, что он испытывает, видя камаргианку (рассказчик выступает и субъектом, так как он испытывает чувства, и объектом (чувства рождаются при виде камаргианки). О субъектно-объектной стороне человека не только в языке, но и в мире писала и Е.А.Беличенко: «При помощи языка, слова человек не только отображает процессы реального мира и мира субъективной оценки, эмоций и чувств, но и сам выступает одним из звеньев этого мира» [4, с.32].

В совокупности, если соединить все описанное в единую картину, получается очень необычный для нас образ, так как внешне героиня не похожа людей, которые окружают нас в повседневной жизни. Ее красота дика, неповторима, но в этом вся ее прелесть. Целью И. Бунина и было описать такую необычную красоту, присущую жительнице юга Франции (рассказ был написан им в эмиграции, во Франции). Это не Нина М.Ю. Лермонтова, не Татьяна Ларина А.С. Пушкина. Камаргианка – простая, небогатая девушка. И это вступает в контраст с ее дикой ослепительной красотой, с яркостью ее личности. Камаргианка из другого мира, другой культуры, привлекающей своей «непонятностью». Исследователи отмечают в камаргианке сочетание «разных, до противоположности, черт»: цыганско-испанское тело и индусские руки, «сближения образов человека и животного, живого и мертвого, темного и

светлого» [5, с.183.]

Свето-цветовые характеристики – отличительная черта творчества И.А. Бунина. Л.А. Смирнова так объясняет тягу И. Бунина к цветописю: «Еще в раннем детстве мальчик пережил «помешательство»: на мечте стать художником, на разглядывании неба, земли, освещения» [6, с.9]. В статье «Функции цветообразов в портретах персонажей» Т. Ю. Зиминой-Дырда анализирует приемы цветописю в творчестве И. Бунина. По мнению исследователя, цвет во внешности персонажей приобретает особый смысл и постепенно становится «визитной карточкой» И.А. Бунина [7].

Такой «визитной карточкой» становится у Бунина черный цвет. Среди вещей такого цвета на героине рассказа надеты черная юбка и черный чувак. В художественном мире И. Бунина черный не есть символ смерти, зла и других негативных понятий. Героини Бунина, как правило, смуглые черноглазые и черноволосые женщины, часто наделены восточной красотой, шармом, сильным характером и некоторым упрямством. Черный цвет для писателя – это цвет силы, стойкого характера, необычности и женственности.

Особенно яркими в одежде камаргианки являются ленты – красные и синие. В произведениях Бунина красный цвет, особенно в сочетании с черным, чаще всего указывает на страстность героинь, плотское искушение. В страсти нашей героине не откажет никто, а плотское искушение она, возможно, вызывает у рассказчика (все же он мужчина) и, конечно, «измученного красотой» камаргианки провансальца, который «проводил ее глазами» в сторону выхода.

Синий или голубой цвет используется Буниным как при описании одежды («выцветший голубой платок»), так и при описании частей тела героини (сызые губы, синеватый пушок на верхней губе). Это цвет неба и моря, символ высоты и глубины. К этому прибавляется и значение свободы. В романтизме образы моря и неба часто ассоциировались со свободой. Наша героиня как раз свобододолюбивая птица высокого полета.

Из украшений на ней всего лишь серебряные серьги. Серебряный цвет

близок серому. Серый в конце XIX – начале XX века считался самым практичным и самым спокойным в интерьере. Возможно, Бунин использовал этот цвет для передачи простоты своей героини в плане взглядов на жизнь и внешнего вида. Такая вещь, как серебряные серьги, не стоит больших денег, тем более без каких-либо драгоценных камней. Этим подчеркивается желание автора изобразить красоту даже в простых вещах.

Для описания частей тела И. Бунин выбрал неяркие цвета: белый, сизый (цвет между серым и синим), синий, золотой, коричневый и смольный. Принято считать, что белый – цвет чистоты и непорочности. Невозможно точно соотнести эти признаки с нашей героиней. Ей, скорее, подходит следующее значение: белый цвет как символ неизвестности, красоты и свободы. Герои сказок стремятся увидеть белый свет, то есть неизвестный им мир. Белый свет – это вся Вселенная. В народной традиции это воплощение миропорядка, *красоты*, справедливости, *свободы*. Все это абсолютно подходит камаргианке.

В героине есть близость к природе: весь ее образ натуральный, природный, «древне-дикий», «первобытный». Это тоже одна из черт, отличающих ее от остальных. Отсюда в ее описании цвета коричневый, смольный, желтый. Камаргианка словно солнце светится своей красотой, под властью которой оказывается рассказчик и попутчики героини.

Говоря о И. Бунине как о прозаике, мы не можем не учитывать поэтичность его натуры, которая проявлялась не только в его стихотворениях, но и в прозе. Одной из черт поэтичности является стереоскопичность. В рассказе «Камарг» мы не только видим героиню, но и слышим ее. В строке «стала *шелушить* и *грызть жареные фисташки*» – повторяющиеся согласные [ж], [ш] и [с] помогают «услышать» звуки, которые идут от героини.

Можно отметить, что в рассказе камаргианка ассоциируется со змеей и обезьяной. С первым образом ее сближает, во-первых, неслучайно использованное Буниным при ее описании деепричастие «*извиваясь*», во-вторых, аллитерация: повторяющиеся звуки [ш], [ж], [с] и [з] рожают ассоциацию со змеей, с ее шипением («*вошла*», «*прошла*», «*извиваясь всем*

своим цыганско-испанским телом, села у окна на одноместную скамью», и локоны у нее *«вьющиеся»* – снова сравнение с извивающейся змеей), в-третьих, фривольное, свободное, вальяжное поведение героини, которая не обращает ни на кого внимания, напоминает медленно ползущую змею. Поза, в которую она садится: *«она прикрыла глаза, положила нога на ногу и откинулась к спинке скамьи»*, – доказывает ее превосходство над остальными в глазах рассказчика, она как будто никого не замечает. Со вторым образом, образом обезьяны, героиню сближают строчки: *«Руки, сухие, индусские, с мумийными пальцами и более светлыми ногтями, все шелушили и шелушили фисташки с обезьяньей быстротой и ловкостью»*. Таким образом, о камаргианке складывается впечатление как о самоуверенной, свободолюбивой, вальяжной, но в то же время ловкой, подвижной девушке.

Исследователи творчества И. Бунина, прежде всего А. А. Саакянц, отмечают, что в некоторых рассказах этого писателя действия нет вообще, а рассказы «Камарг», «Сто рупий» – «это не что иное, как женские портреты во всей своей первобытной, дикой красоте» [8, с.40]. Авторская идея часто находит воплощение в образе, точнее портрете героя. Причем портретное изображение человека в рамках художественного произведения может быть передано автором как эксплицитно (иллюстрация внешнего, материального), так и имплицитно (скрыто, через оценку других персонажей, через внутренние мысли самого героя, через его привычки и т. д.). В связи с этим, Л. В. Серикова выделяет три вида портретного представления персонажа: «внутренний человек (черты внутреннего мира героя), медиальный человек (форма взаимоотношения внутреннего и внешнего человека) и внешний человек (материальная (телесная) сторона героя)» [9, с.5].

Форма текста-портрета позволяет говорить о своеобразной коммуникативной природе данных произведений. На первый взгляд, это монолог-зарисовка с множеством статичных деталей. Однако автор постоянно чувствует сопричастность к диалогу с читателем, кроме того, читатель явно осознает присутствие автора в описываемой ситуации. Это передается так

называемыми «метазнаками»: в данном случае это авторские оценки и риторические фигуры («...лицо, озаряемое блеском зубов, было древне-дико», «К какому роду земных созданий можно было отнести ее?»). Как отмечают исследователи текста, «автор может специально рассчитывать на определенную динамику позиции читателя» [10, с.73]. Поэтому читатель понимает, почему «очень грустно» стало провансальцу, когда вышла камаргианка. С каким-то сожалением читатель расстается с героиней: –девушка-змейка исчезла тихо и изящно, как и появилась.

При анализе словесного портрета традиционно большое внимание уделяется языковым средствам, которые используются для создания ярких образов. Основными стилистическими средствами являются эпитеты, метафоры, сравнения, которые дают наглядное представление о явлении, выраженном в художественной форме.

В рассказе «Камарг» И. Бунин использует метафору, сравнение, эпитеты.

Описывая фигуру девушки, рассказчик сравнивает кострецы (нижняя часть крестца, находится в основании позвоночника) с *«твердыми бугорками»*, которые выступают из тела. На первый взгляд кажется, что это придает мужеподобность фигуре героини, но далее идущие слова смягчают ее: *«кострецы выступали твердыми бугорками плавных очертаний»*, – и первоначальное впечатление исчезает, остается образ стройной, хорошо сложенной девушки. В описании волос героини И. Бунин использует именную метафору «шелк волос», основанную на переносе по сходству внешнего вида.

Важную роль в создании образа играют эпитеты. Автор рисует нам дикую красавицу. О диком, природном начале говорит весь ее образ, который выстраивается из отдельных черт. Так, описывая глаза камаргианки, И. Бунин использует необычные эпитеты: *Глаза, долги, золотисто-карие, полуприкрытые смугло-коричневыми веками, глядели как-то внутрь себя – с тусклой первобытной истомой.* Особенно примечателен эпитет *«первобытная»*. Первобытная – далекая, древняя, необычная для современников, и в то же время первобытность несет природное начало, а во

взгляде «с первобытной истомой» есть что-то очень глубокое, чувственное, неповторимое, что-то вселенского масштаба.

«Природность» образа раскрывается также в конструкциях, в которых черты характера героини сравниваются с чертами представителей животного мира. Как уже было сказано выше, она сравнивается со змеей и обезьяной: *Руки, сухие, индусские, с мумийными пальцами и более светлыми ногтями, все шелушили и шелушили фисташки с обезьяней быстротой и ловкостью.* Необычен эпитет при описании пальцев – «мумийные». Образ мумии отсылает нас снова в древность: во-первых, мумифицирование было характерно для Древнего Египта; во-вторых, мумия – что-то старое, древнее.

Важным приемом, использованным И. Буниным при создании образа, является прием персонификации. Персонификация (лат. *persona* – «личность, лицо» и *facere* – «делать») – олицетворение, наделение животного, предметов, явлений природы и отвлеченных понятий человеческими свойствами [11]. В основном в рассказе этот прием используется при описании тела и одежды. Части тела или отдельно лица представлены так подробно и каждая автономно, что создается впечатление об их самостоятельном существовании, что они сами являются субъектами действий героини: *«Руки, сухие, индусские, с мумийными пальцами и более светлыми ногтями, все шелушили и шелушили фисташки...».*

В рассказе «Камарг» И. Бунин для создания образа девушки необычной, завораживающей красоты использует не только лексические, но и грамматические языковые средства.

Нельзя не заметить, что при бедности материальной (судя по ее одежде: *«выцветший голубой платок», «тряпичный чукяк»*) главную героиню делает богатой ее красота, которая заметна всем (особенно мужчинам). Рассказчик восхищен девушкой, это проявляется в описании героини: детальном, точном, тщательном. Но он не один такой. Переведа взгляд на провансальца, который тоже был объектом притягивающей красоты камаргианки, рассказчик описывает его так: *C'est une camarguaise, – почему-то очень грустно сказал, проводив ее глазами, мой сосед, измученный ее красотой, мощный, как бык,*

провансалец...

Семантика наречий *«очень грустно»* и деепричастный оборот при глаголе *«сказал»* дают понять, какое сильное душевное волнение вызывает присутствие камаргианки у провансальца, как мысленно он тянется к ней.

Еще одним доказательством его тяжелого душевного состояния, отразившегося даже на внешности, является страдательное причастие *«измученный»*. Провансалец (вместе с ним и рассказчик) и, возможно, остальные пассажиры были заморожены красотой героини, как будто находились под ее воздействием.

С «мечтательной наблюдательностью» рассказчик детально описывает внешность камаргианки. Для этого автором активно используются прилагательные и причастия, в составе текста они занимают четвертую часть. В основном это качественные прилагательные, представленные различными группами лексем, обозначающими признаки эмоционального состояния человека, внешние, физические или телесные, качества людей и физические признаки предметов, признаки размера и формы, свето-цветовые признаки и т.д.

Преобладание качественных прилагательных, связанных с описанием героини, доказывает, что для автора было важно передать красоту героини, он хотел, чтобы читатель понял чувства рассказчика, его отношение к камаргианке. Не менее важным для И. Бунина являются колоративные прилагательные. Он, как художник, рисует яркую словесную картину, которую читатель легко воспринимает и представляет в своем сознании.

Относительные и притяжательные прилагательные в тексте единичны, к тому же и они развивают качественную семантику: *«руки ... с мумийными пальцами»*, *«с обезьянней быстротой и ловкостью»*

Попытку Бунина показать образ как можно рельефнее доказывают часто используемые им сложные прилагательные (*«смугло-темный»*, *«древне-дикий»*, *«золотисто-карий»*, *«смугло-коричневый»*). С их помощью читатель достраивает в воображении образ точнее, ярче (так как в большинстве случаев сложные прилагательные со значением цвета, оттенка) и конкретнее.

Морфемы прилагательных и существительных, глаголов также участвуют в создании женского образа: *синеватый* – суффикс -еват- с семантикой неполноты качества, смягчения и уменьшения его по отношению к тому, что называется мотивирующим словом, *шейка*, *бугорки* – уменьшительно-ласкательный суффикс -к-. Глагол *«поблескивали»* с приставкой по- со значением неполноты действия придает легкость, игривость поведению камаргианки (не блестили, а поблескивали). С помощью этих морфем автор смог передать (возможно, непреднамеренно) мягкость, утонченность образа девушки и свое трепетное отношение к ней.

Значение слова реализуется в конкретной синтаксической позиции. Позиция предиката для прилагательных и причастий представлена в составных именных сказуемых (*«губы были сизы», «лицо было древне-дико», «платок был завязан», «ступня была обута» и т.п.), что также служит описанию самой героини, частей ее тела, одежды.*

Среди причастий, описывающих как саму героиню (точнее ее тело), так и одежду на ней, отмечены действительные и страдательные. Они выступают в качестве именной части составных сказуемых, являются частью обособленных определений или собственно согласованными определениями.

И.Бунин использует уточняюще-пояснительные конструкции: *«с тусклой первобытной истомой», «ступня была <...> переплетена разноцветными лентами, – синими и красными»*. Обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами (*«извиваясь всем своим цыганско-испанским телом», «будто никого не видя», «от времени до времени поднимая подол верхней черной юбки и запуская руку в карман нижней, заношенной белой»* и др.), создают визуальность происходящего.

Исследуя данный рассказ, мы, конечно, говорим о непроцессуальном характере повествования (читателю дается статичная картина, в центре которой образ героини), этому посвящен почти весь текст произведения. Рассказчик заморожен красотой, поэтому входит в некий транс при описании камаргианки, когда она недвижима либо совершает повторяющиеся, циклические действия

(«Руки, сухие, индусские, с мумийными пальцами и более светлыми ногтями, все шелушили и шелушили фисташки с обезьяньей быстротой и ловкостью») и лишь с началом движения героини «просыпается» и видит ее действия.

Мастер слова, И. Бунин тщательно подбирает слова, наиболее нужные и уместные. Так, например, в описании героини преобладают глаголы несовершенного вида, причем одновидовые: *«синеватый пушок на верхней губе сгущался над углами рта», «глаза, длинные, золотисто-карие, полуприкрытые смугло-коричневыми веками, глядели как-то внутрь себя – с тусклой первобытной истомой», «...поблескивали вдоль круглой шейки длинные серебряные серьги»*). Такие единицы создают статичность повествования.

У камаргианки нет имени. Это сделано автором преднамеренно, чтобы освободить образ героини от возможных ассоциаций, параллелей, ярлыков. Девушка показана здесь и сейчас, без прошлого и будущего. Интересен и тот факт, что писатель лишил свою героиню не только имени, но и речи, несмотря на то что речь является важным средством характеристики персонажа, его внутреннего состояния. Автор ограничивается описанием внешнего вида и поведения героини - носительницы красоты.

И. А. Бунин, используя языковые средства разных уровней, смог передать необыкновенную красоту героини и «заразить» читателя восхищением ею. После прочтения в памяти остается образ девушки как яркое пятно в серой, скучной, повседневной жизни. Так в творчестве мастера русского слова тема красоты - такой мимолетной и бессмертной, знакомой и таинственной, похожей и разной...

1.5 Императивные высказывания в произведениях Н. В. Гоголя

Императивное высказывание – существенная часть коммуникации, устной и письменной, в том числе в художественной речи. При анализе императивных высказываний исследователи обращают внимание на их коммуникативную цель [5], основные средства выражения предикативного центра [3; 4], функцию в художественном тексте [2]. Основа семантики

императивных высказываний – значение волеизъявления [4], их коммуникативная цель – вызвать действия адресата, соответствующие данному волеизъявлению.

Императивные высказывания по направленности волеизъявления могут быть отнесенными к адресату (просьба, приказ, требование, распоряжение и другие – действие выполняет адресат) и к говорящему/адресанту (обещание, угроза, клятва – действие выполняет адресант). При этом «общим смысловым компонентом всех императивных словоформ и конструкций является значение волеизъявления... Вместе с тем, в каждом конкретном речевом акте волеизъявление обычно оценивается и говорящим, и слушающим либо как приказ, либо как просьба, совет, разрешение и т.п.» [3, с. 132] Важными квалифицирующими признаками данных высказываний являются также частное значение (императив, прохитив и др.), лексическая презентация (наличие/отсутствие), уровень категоричности и заинтересованности автора.

В зависимости от совокупности названных признаков волеизъявление в произведениях Н.В. Гоголя оформляется различными языковыми средствами синтаксического и морфологического уровней.

Приказы направлены на неукоснительное исполнение/неисполнение адресатом конкретных действий, могут содержать известную адресату информацию, используются в разных речевых ситуациях (от официальных до бытовых). Приказ может содержать «импульс, направленный на выполнение действия в интересах автора» [1, с. 101]. По структуре это, как правило, побудительные конструкции с предикативным центром, выраженным глаголом в повелительном наклонении или инфинитивом, лексическое значение которого представляет само действие, требуемое от адресата.

*«(Городничий) **Послушайте** ж, вы **сделайте** вот что: квартальный Пуговичин.... Так **пусть стоит** для благоустройства на мосту. Да **разметать** наскоро старый забор, что возле сапожника, и **поставить** соломенную веху, чтоб было похоже на планировку!»* [Ревизор]

Сочетание разных форм императива (повелительного наклонения и инфинитива) даже при отсутствии коннотативно окрашенных лексем создает категоричность, экспрессивность высказывания.

При снижении категоричности и побуждении адресата к действию, качество и скорость выполнения которого не имеет особой важности для адресанта, используются **распоряжения** – высказывания, выражающие единичные действия или напоминания:

«(Городничий) Ступай сейчас же за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно скорее ко мне частного пристава, и приходи сюда» [Ревизор]

Категоричность снижается за счет дополнительной информации, интенсивность снижают также неопределенные по семантике лексемы, в данном случае неопределенное местоимение. Тем не менее, предикативный центр по форме аналогичен приказу.

Требование как императивное высказывание отличается содержательной составляющей – не просто выполнить действие, а именно определенным образом или в определенных обстоятельствах – место, время, образ действия и т.п. (в предыдущих случаях данный аспект может отсутствовать).

«(Кочкарев) Ну, Иван Кузьмич, поцелуй свою невесту. Ты теперь можешь это сделать. Ты теперь должен это сделать» [Женитьба]

При общей повелительной интонации повторное употребление лексем, усилителей в роли градационных элементов создает определенную безапелляционность требования.

Характерным высказыванием для речевого общения персонажей художественного произведения является **просьба**:

«(Бобчинский) Как же, имею очень низжайшую просьбу. Я прошу Вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский...» [Ревизор].

Авторы просьб не обладают такими полномочиями, как их собеседники, поэтому могут лишь просить, а не требовать или приказывать [1]. Просьбы часто, как и в данном примере, имеют лексическую презентацию, сопровождаются формулами вежливости типа «пожалуйста», «прошу Вас», «не соблаговолите ли» и др. Основное действие обозначается глаголом в форме повелительного наклонения или инфинитива, при этом категоричность нивелируется формулами вежливости. Такое высказывание подчинено цели изложить желание автора так, чтобы адресат принял решение действовать в интересах адресанта. Просьба может передавать и желания третьего лица, то есть опосредованно представлять настоящего автора:

«(Кочкарев) Да вы видите, сударыня, видите: он просит руки вашей, желает объявить, что он без вас не может жить, существовать. Спрашивает только, согласны ли вы его осчастливить» [Женитьба]

Предикативный центр формально выражен глаголом в изъявительном наклонении, но иллокуция просьбы обеспечена окружающим контекстом.

Следующие высказывания рассмотрим в оппозиции: **разрешение–запрет**. Оба высказывания – реакция на просьбу, но содержательно это два полюса реакции. Разрешение принимает слова просящего, утверждает их и соглашается с автором:

«Боже, благослови! – сказал Черевик, складывая им руки. – Пусть их живут, как венки вьют!» [Сорочинская ярмарка]

Запрет представляет отрицание и имеет специфические формы его выражения:

«(Чиновник важной наружности) Я бы все запретил. Ничего не нужно печатать. Просвещением пользуйся, читай, а не пиши. Книг уж довольно написано, больше не нужно» [Театральный разъезд после представления новой комедии]

И разрешение, и запрет могут содержать императивы и перформативы в составах предикативного центра, одновременно данные единицы являются ключевыми словами/лексической презентацией высказываний.

Художественная проза включает также такое императивное высказывание, как *совет*. Совет – синкретичное высказывание, содержит как императивный, так и информативный контент. Адресант должен обосновать свое предложение действовать как-либо, импульс поведения исходит от адресанта, исполнение же действия – в интересах и компетенции адресата. Отличие данного высказывания от других императивных в том, что адресату предлагается действовать в его интересах, у него есть выбор (делать/не делать).

«Ты, Иван Никифорович, не мирись с ним и не проси прощения: он тебя погубить хочет, это таковский человек!» [Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем]

*«...мой совет: не терять, товарищи, времени и **знаться** за татаринном; ибо вы сами знаете, что за человек татарин: он **не станет** с награбленным добром **ожидать** нашего прихода, а **мигом размытарит** его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: **идти**»* [Тарас Бульба]

Высказывание в силу своего содержания включает минимум два предикативных центра, выраженных, как правило, формами повелительного (в императивной части), изъявительного (в информативной части) наклонений глаголов. В высказываниях этого типа частотно наличие лексической презентации, выраженной глаголом (*советовать* в разных формах) или словосочетанием с существительным *совет*.

Представленные высказывания носят так называемый «неисполнительский» характер, иллокутивная сила их направлена на адресата. Именно в таких высказываниях заключается общая императивная интенция автора. Необходимо также отметить, что при всей уникальности каждого произведения Н.В. Гоголя (примеры приведены из разных произведений), способы репрезентации императивности стабильны и являются специфичными для идиостиля писателя.

1.6 Особенности функционирования грамматических форм процессуальных единиц, их роль в языковой и структурно-композиционной организации поэтических текстов З. Н. Гиппиус

Интерес к стихотворной молитве продолжает оставаться стабильным на протяжении многих десятилетий. Однако она является объектом изучения прежде всего литературоведческих дисциплин. Лингвистические особенности данного жанра еще требуют системного исследования и описания. Молитва является одним из репрезентативных жанров поэзии: к нему обращались многие русские поэты, такие, как А. П. Сумароков, И. И. Дмитриев, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, И. А. Бунин, А. А. Ахматова, О. П. Мандельштам, М. И. Цветаева и др. Молитвенные обращения присутствуют и в творчестве современных поэтов: В. Верстакова, Н. Ануфриевой, В. Латынина, Н. Карташевой, Н. Зиновьева, В. Ефимовской и др.

Поэтическое осмысление такой религиозной формы, как молитва, связано с жанровой «памятью», основанной на генетической связи молитвы религиозной с молитвой литературной, и находится в рамках сформировавшегося в течение веков жанрового канона, предполагающего определенные языковые особенности, которые в большинстве текстов подобного рода являются «универсальными регулятивными средствами молитвенного дискурса» (Яцуга, 2004; 2012).

В арсенале языковых средств молитвы немаловажную роль играют грамматические формы процессуальных единиц – глаголов и фразеологизмов. Глагол – одна из самых сложных частей речи русского языка, представляющая собой систему форм – спрягаемых и неспрягаемых, каждая из которых обладает своим набором свойственных только ему морфологических категорий. Богатство и разнообразие семантики сочетается в глаголе с богатством и разнообразием грамматических форм (Виноградов, 2001, с.354).

Я. И. Гин считает категории грамматики одним из ведущих средств тексто- и смыслообразования, относит к ядерным «те категории и разряды,

которые играют особенно важную роль в структуре художественного текста (лицо, время, наклонение) или регулярно подвергаются эстетическому преобразованию и переосмыслению (грамматический род)» (Гин Я. И. Поэтика грамматики, 2017, с. 7). М. Н. Кожина среди морфологических средств выразительности отмечает особую функцию глагола в художественном тексте, называет одним из специфических способов достижения образности «глагольное речеведение (или сюжетоведение)», заключающееся в поэтапном обозначении каждого движения героя (как тела, так и души), изменения его состояния (Кожина 2008, 401). В художественном тексте, по мнению И. Б. Голуб, «глагол во всем богатстве его семантики, со свойственными ему значениями грамматических форм и возможностями синтаксических связей, при многообразии стилистических приемов образного употребления является неисчерпаемым источником экспрессии» (Голуб 290-291).

В молитве как жанре религиозной коммуникации и в поэтической молитве человек использует определенные языковые средства для выражения и осуществления своих переживаний. Формы глагольных категорий являются не только грамматическим, но и лингвистическим феноменом, важной стороной художественно-религиозного сознания, они участвуют в формировании авторской модели мира.

Предметом исследования являются формы глагольных категорий, особенности их функционирования, их тестовая и жанрообразующая функция в цикле стихов-молитв и наставлений в творчестве З. Гиппиус.

Цель исследования заключается в выявлении семантико-стилистического потенциала глагольных форм в стихотворениях определенного жанра – молитвы и наставления – в поэтическом наследии З. Гиппиус.

Таким образом, в качестве основных методов исследования используются следующие: метод сплошной выборки, количественный метод, семантико-когнитивный анализ (от анализа языковых единиц – к моделированию ментального пространства), метод контекстуального и дефиниционного анализа, а также композиционный анализ. В работе используются данные таких

смежных наук как литературоведение, лингвокультурология, религиоведение, философия.

В тексте стихотворений-молитв и наставлений жанрообразующую функцию выполняют прежде всего формы повелительного наклонения. Категория наклонения глагола – это категория отношения, с ее помощью человек выражает свою оценку происходящего, представляет действие реальным, соотносящимся с действительностью и потому проявляющимся с связи с какой-либо формой времени (настоящего, прошедшего или будущего), или нереальным, которое мыслится как возможное, желательное, предполагаемое, как воля говорящего. Наклонением выражается личная и вообще человеческая квалификация действия или человеческая воля к осуществлению связи действия с действительностью (Чепасова, 214). В. В. Виноградов о назначении наклонения в глагольной лексике: «Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи...Категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, то есть обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемая говорящим лицом» (Виноградов; 472). Форма повелительного наклонения связана с определенной речевой ситуацией, в которой устно или письменно выражается воля адресату, собеседнику. «Эта адресованность действия есть главное слагаемое значения повелительного наклонения: обозначенное процессуальной единицей действие оценивается говорящим не как связанное с действительностью, но такое, к совершению которого говорящий побуждает собеседника, адресата, сопровождая свою волю определенной, побудительной интонацией» (Чепасова, 218). Императивная ситуация имеет следующих участников: каузатор (говорящий) – тот, кто побуждает; адресат (слушающий) – тот, к кому обращено императивное высказывание; казулируемый (исполнитель) – тот, кто должен исполнить

побуждение. Обычно адресат и каузируемый совпадают: исполнителем действия, названного повелительным наклонением, является адресат, то есть слушающий (2-е лицо). В исследуемом материале формы повелительного наклонения составляют 36,2% от числа всех спрягаемых форм. Синтетические формы повелительного наклонения 2-го лица единственного и множественного числа, являются *собственно императивными*, они являются наиболее частотными (95%). Названные формы образуются суффиксальным способом: *возьми, прости, прими, открой, успокой, сжался*; форма множественного числа характеризуется наличием постфикса -те: *разомкнитесь, лягте*. Молитва есть акт коммуникации, который предполагает наличие адресата и адресанта, и наиболее естественна для этого жанра форма 2-го лица единственного числа, так главным адресатом является Бог (Бог Отец, Бог Сын – Христос). «*Господь. Отец. Спаси, открой – Кого хочу*» (О другом); «*Иисус, в одежде белой, Прости печаль мою!*» (*Нескорбному Учителю*). По наблюдениям литературоведов, более трети стихотворений З.Гиппиус являются прямым или косвенным выражением отношения к Богу, а одиннадцать из них «*суть прямые, – по форме и содержанию, – молитвы, сознательно облеченные автором в стихотворную форму*» (Шагинян). Большинство стихотворных молитв З.Гиппиус – поэтический аналог просительных молитв, в которых молящийся обращается к Богу со своими нуждами. Но если в просительных религиозных молитвах они в одинаковой мере могут быть и материальными (телесными), и духовными, то в лирической молитве на первый план выходит духовное: «*Открой мне, Боже, открой людей! Они Твои ли, Твое ль создание, Иль вражских плевел произрастанье? Открой мне, Боже, открой людей!*» (*Возьми меня*). Разновидностью просительной молитвы является молитва ходатайственная, содержащая прошения за других людей: за любимого – «*Прими, Господь, мое хотенье! О, жги меня, как я – свечу, Но ниспошли освобожденье, Твою любовь, Твое спасенье – Кому хочу*» (О другом), и даже за дьявола – «*О, отпусти ему, Господь, Его безумство — за страданье*» (Божья тварь). Элементы ходатайственной молитвы присутствуют в цикле стихов

«Война»: *«Твои народы вопиют: доколь? Твои народы с севера и юга. Иль ты еще не утолён? Позволь Сынам земли не убивать друг друга!»* (Адонаи); *«В сердце наше бедное, в сердце загляни... Близких наших, Господи, близких сохрани»* (Ему).

Целиком построено на формах повелительного наклонения 2-го лица единственного числа стихотворение-молитва «Возьми меня»: 4 лексемы – *открой, верни, отдай, возьми* – в 11 употреблениях при абсолютном отсутствии других глагольных форм.

Аналитические формы императива с побудительно-пожелательной семантикой в исследуемых текстах менее частотны (5%): *«Пусть ночь бесконечно длинна, – Из тьмы да родится свет!»*(Стук; *«О, пусть будет то, чего не бывает...»* (Песня); *«В последний час, во тьме, в огне, Пусть сердце не забудет: Нет оправдания войне! И никогда не будет»* (Без оправдания), хотя, по наблюдениям лингвистов в религиозной молитве такие формы представлены достаточно широко: *«Да святится имя Твоё; да придет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе»* (Отче наш); *«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его (Молитва Честному кресту).*

В лирической молитве аналитические формы повелительного наклонения скорее выражают непрямую просьбу к высшей силе быть причастным к осуществлению какого-либо действия, способствовать желаемому или наоборот препятствовать тому, что не должно иметь места в действительности.

Значение побуждения реализуется в речи в различных оттенках. Это может быть просьба, призыв, предписание, совет, увещание, мольба, наказ, уговор и т. п. Важнейшим средством их выражения является интонация. Все эти оттенки определяются ситуацией речи, намерением (интенцией) и эмоциональным отношением говорящего. Интенциональная структура стихотворений-молитв и наставлений З. Гиппиус представлена такими типами: просьба, мольба, наказ, призыв, запрещение. Интенция просьбы, мольбы реализуется в поэтической молитве посредством синтетической формы

императива: «Сжался, о Боже, над слабостью Сердца, Тобой сотворенного, Над бесконечную слабость Сердца, стыдом утомленного»; «О Господь мой и Бог! Пожалей, успокой, Мы так слабы и наги»; «Я в слабости, я в тленности Стою перед Тобой. Во всей несовершенности Прими меня, укрой».

С помощью конструкций *дай* + инфинитив глагола испрашивается разрешение на совершение какого-либо действия просящим: *Прежнее дай мне безмолвие, О, возврати меня вечности... Дай погрузиться в безмолвие, Дай отдохнуть в бесконечности!..*(Заклинание). Данная семантика актуализируется в стихотворных молитвах и наставлениях императивным характером просьб, обращенных к Божественному адресату, «сиюминутностью» молитвенного события, стремлением к объяснению мировых противоречий и обретению ощущения умиротворенности, что и становится установкой молящегося. Значения запрещения или предупреждения, предостережения возникают в случае употребления форм повелительного наклонения с отрицанием. При этом формы совершенного вида чаще передают предостережение, а формы несовершенного вида – запрет: «*Не говори с людьми, Не подымай с души покрыва...*» (Наставление); «*Пусть я жалею и пойму – Любви и жалости не верь, Не открывай святую дверь...*»(Напрасно). Интенция запрещения содержится только в жанре наставления: «*Любви и жалости не верь, Не открывай святую дверь, Храни, храни ее ключи, И задыхайся — и молчи*» (Напрасно); «*Но если всем своя дорога, И есть завет: не прекословь...*» (Успокойся?).

Помимо императивных форм глаголов, поэтесса использует аналогичные формы процессуальных фразеологизмов *дать/подать знак, подать голос*: «*Тебе я молюсь, о Отец! Поддай мне голос, иль знак!*» (Стук); «*Мы молчаний Твоих боимся... О, дай знак!*» (Христу).

Формы других наклонений менее представлены, хотя в жанре молитвы также играют важную роль. Так, например, единичны случаи употребления форм сослагательного наклонения (0,3%), ирреального, как и повелительное, и имеющего в качестве одного из основных значение желания, «наиболее богатое

формами своего выражения и оттенками экспрессии» (Грамматика 60). В исследуемом материале интенция желания усиливается за счет употребления модального глагола *хотеть*: «*Господи! Наша ли душа хотела, Чтобы запылали зори красные?*» (Белое). Данная форма организуется с помощью союза – *чтобы запылали*, употреблена в придаточной части сложноподчиненного предложения, которая восполняет семантику глагола *хотела* и представляет содержание желания. Экспрессия связана с выражением обратного действия: «*Наша ли душа хотела...*», то есть *мы не хотели*.

Изъявительное наклонение господствует в стихотворных молитвах З. Гиппиус (63,5 %). Изъявительное наклонение – единственное реальное наклонение, в формах времени представляющее действие, происходящее в настоящем, имевшее место в прошлом или отнесенное в план будущего. Время – понятие прежде всего философское, оно существует объективно и неразрывно связано с движущейся материей, являющимся материальным процессом. В языке понятие о времени выражается разными способами. «...Язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени. Он поэтому и располагает богатейшим арсеналом внутренних – грамматических и лексических – средств для обозначения темпоральных аспектов действительности (Арутюнова, 1997). Грамматическое время представляет собой одну из форм отражения в языке объективно существующего времени в специальных формах определенной части речи. Особую роль в интерпретации идеи времени играют глаголы, выражающие мир событий, существующих во времени (Болдырев, 1994: 72). Грамматическое время в поэзии является одним из средств выражения художественного времени, формы бытия художественного мира (Тураева, 14). В поэзии художественное время реализуется в различных типах: конкретное художественное время (время, соотнесенное с жизнью лирического героя), обобщенное художественное время (время, соотнесенное с жизнью любого лица), время-абстракция («чисто время, лишенное субъекта бытия), время-трансформация (ирреальный образ – заместитель времени) (Чернухина, 21-26).

Выбор временных форм, организующих художественный текст, так же, как и выбор форм наклонения, определяется интенциями автора (Николина С. 73). В молитвенном дискурсе З. Гиппиус преобладающими являются формы настоящего времени (64,5 %), менее частотны будущего (24,4 %), единичны формы прошедшего времени (11,1%).

Настоящее время

Будущее время (преобладает простое будущее – 95 % от числа всех форм будущего времени, будущее сложное – 4,8 %).

На периферии лирической речи в молитвах З.Гиппиус оказываются формы прошедшего времени.

Грамматическая категория лица глаголов и процессуальных фразеологизмов является частью функционально-семантической категории персональности в русском языке, которая отражает связь языка и человеком и представляет последнего «во всем многообразии свойств и характеристик в процессе жизнедеятельности» (Миниярова, 1993). Поэтому лингвисты считают категорию лица наиболее антропоцентрической по сравнению с другими глагольными категориями. В. В. Виноградов назвал категорию лица фундаментом сказуемости, организующим центром высказывания (Виноградов, 2001, С. 373-374). Миниярова И. М., Пантелеев А. Ф. отнесли категорию персональности к числу категорий, играющих важную роль в порождении высказывания и выполняющих текстообразующую функцию (Миниярова, 1993, Пантелеев 2018).

Всего 272 личных формы: 1-е – 40,5 %; 2-ое – 38,2 %; 3-е – 21,3 %.

В парадигме повелительного наклонения центральными являются формы 2-го лица – (прямое побуждение), периферийными – и 3-го (опосредованное побуждение) и 1-го (формы совместного действия). В анализируемых текстах З. Гиппиус представлены первые две формы (соответственно 95% и 5%), формы, побуждающие к совместному действию, отсутствуют. Лицо в формах повелительного наклонения выражено синтетически (100%): полифункциональными суффиксами -и-, -Ø- (*спаси, прими, укрой, вынь*) и

личными окончаниями (*пусть не перейдет, пусть не забудет*). Формы 2-го лица единственного числа являются высокочастотными вследствие единичного характера адресата молитвы, обращенной к Всевышнему.

В изъявительном наклонении способ выражения лица зависит от формы времени: в настоящем и будущем лицо выражается синтетически личными окончаниями, в прошедшем – синтаксически с помощью формы именительного падежа местоимений и существительных.

Настоящее время - 1-е лицо - 67,6% ; 2-е лицо - 2,7% ; 3-е лицо - 29,7% .

Будущее время - 1-е лицо - 62% ; 2-е лицо -12% ; 3-е лицо -26% .

Прошедшее время - 1-е лицо -10,5%; 2-е лицо - 36,9%; 3-е лицо- 52,6% .

Условное наклонение - лицо выражено синтаксически это 3-е лицо; 1 случай употребления («*Господи! Наша ли душа хотела, **Чтобы запылали зори красные?***» (Белое).

Лирические тексты строятся, как правило, от первого лица.

Глаголы 1-го лица с личными флексиями сопровождаются местоимениями 1-го лица, выражающими субъективное восприятие действительности, что создает специфику лирической молитвы: «Иисус, детей надежда! Прости, что **я скорблю!** Темна моя одежда, Но **я** Тебя **люблю** (Нескорбному Учителю); «*Ничто не сбывается. А я верю. Везде разрушение, А я надеюсь. Все обманывают, А я люблю. Кругом несчастье, Но радость будет. Близкая радость, Нездешняя — здесь*» (Будет). Триада *я верю – я надеюсь –я люблю* выражает жизненную позицию автора, «создает конфликт – противостояние лирического «Я» миру» (Яцуга, 2004).

Категория вида:

Баланс категории вида

НСВ – 50,6 % и СВ – 49,4 %

Глаголы в форме императива совершенного вида в 70%, т.е. молящийся просит о совершении, осуществлении желаемых действий: «*Моей безмерной смелости, Господь, **о помощи!**... Господь, мои желания, Желания **прими!**...*

Господь, мои мятежности И дерзость освяти!... Во всей несовершенности Прими меня, укрой...» (Оправдание).

Грамматический повтор императива создает дополнительное эмоциональное напряжение: *Господи, дай увидеть! Молюсь я в часы ночные. Дай мне ещё увидеть Родную мою Россию (Господи, дай увидеть!..)*. Кроме того, такой грамматический повтор задает определенную организованность текста (Лотман). Ритмизация зачастую достигается троекратным повтором формы повелительного наклонения одного и того же глагола: *«И в час победы – возьми меня. Возьми, о, жизни, моей Властитель, В Твое сиянье, в Твою обитель, В Твое забвенье возьми меня!»* (Возьми меня); *«Прежнее дай мне безмолвие, О, возврати меня вечности... Дай погрузиться в безмолвие,*

Дай отдохнуть в бесконечности!.. (Молитва).

Молитвенный ритм, создаваемый повтором грамматических форм, усиливается синтаксического параллелизма: автор использует глагольные односоставные предложения: *«Молчи. Молчи. Не говори с людьми, Не подымай с души покрова, Все люди на земле – пойми! Пойми! –Ни одного не стоят слова»* (Наставление).

1.7 Речевые жанры, реализующие функциональную оценочность в произведениях Н. В. Гоголя

Оценочные высказывания – неотъемлемая часть художественной речи, часть реализации замысла автора, поскольку оценивание обусловлено психологией человека, отражает стремление формировать определенное отношение ко всем явлениям жизни. Произведения Н.В. Гоголя, яркие и многообразные с точки зрения характеристик персонажей, включают разнообразные оценочные высказывания, которые возможно типизировать по коммуникативной цели и форме, то есть представить как речевые жанры, вслед за М.М. Бахтиным: «...каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [2. С. 159] В данном исследовании рассмотрим в

указанных высказываниях реализацию *функциональной оценочности* как одну из оценочных репрезентаций на лингвистическом уровне. Функциональную оценочность в высказывании несут номинации – слова и устойчивые выражения – в семантической структуре которых содержатся оценочные компоненты, называющие существенные признаки предметов и явлений. О важной роли признака в семантике оценки писали многие исследователи оценочных высказываний [1, 3, 4]. На страницах произведений Н.В. Гоголя находим сожаления, жалобы, претензии, общие оценки, одобрения, похвала, проклятия, замечания, упреки, выговоры. При этом позитивными, по мнению М.Ю. Федосюка, являются только два из них – одобрение и похвала [5].

Коммуникативная цель *одобрения и похвалы* – донести до собеседника положительное мнение адресанта о чем-либо или о ком-либо. Похвала, имеющая дополнительную воздействующую коннотацию, приобретает форму *комплимента*:

«Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек. А ваши губки, сударыня, лучше, чем всякая погода» (Ревизор).

Оценка в таких высказываниях выражается чаще всего именными частями речи со значением признака (прекрасный) и прилагательными и наречиями в сравнительной или превосходной степени (лучше).

Более разнообразны речевые жанры, реализующие коммуникативные цели выражения негативного отношения, недостаточного уровня наличия признака, несоответствия действительного желаемому.

Сожаление как речевой жанр присутствует в монологах (в том числе внутренних) персонажей и часто сопровождается иллюкцией с целью воздействия на эмоции читателя:

«Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести ... что, если он в самом деле ушел с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее! Он долее всех выносил ее капризы!» (Ночь перед рождеством).

Значение сожаления усиливается восклицаниями риторического характера, а наречие в превосходной степени (*далее всех*) функционально дополняет воздействие.

Иллокуция адресанта еще более ощутима в речевом жанре *претензии*. Претензия передает недовольство состоянием дел, порой касается единичного факта или признака, указывает на ошибку, необходимость исправления ошибки.

«Хлестаков. ... Я этого не понимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!...Этого мало...» (Ревизор).

Семантика сожаления содержится и в структуре *жалобы*, которая дополняется необходимой информацией:

«Да всё от городничего здешнего. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважали его; а то мы уж порядок всегда исполняем... Нет, вишь ты, ему всего мало — ей, ей! Придет в лавку и, что ни попадет, всё берет» (Ревизор).

В жалобе проявляется синкретизм речевых жанров: оценка дополняется иллокуцией вызвать сочувствие, для этого приводится информация-характеристика персонажа. Лексемы и устойчивые выражения с семантикой оценочности определяют негативное поле оценки (обиды, заморил, хоть в петлю полезай, всего мало).

Замечание, упрек, выговор, проклятие – ряд речевых жанров, отражающих разную степень осуждения деятельности персонажа. *Замечание* описывает ситуацию или деятельность как ошибочную, *упрек* содержит личностное отношение к ошибке, *выговор* «материально» закрепляет осуждение, *проклятие* – крайняя степень проявления осуждения, приближенный по иллокуции к императивному жанру. Приведем отдельные примеры:

«Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый дурак, вместо того чтобы собрать прежние недоимки и вести на селе порядок, одурел и строишь пакости...» (выговор, Майская ночь, или утопленница)

«Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было!» (проклятие, Ревизор).

Функция данных высказываний не только в оценке ситуации, но и в воздействии на адресата, выражается в семантике именных частей речи (старый дурак; недоимки, пакости, зло, мошенникам), в наличии иллокутивных единиц (пошли ему бог; чтоб...ни в чем никакого прибытку не было), в негативном характере обращения (ты, старый дурак... и т.п.).

Отдельно обозначим высказывание, условно названное нами *общей оценкой*. Данное высказывание содержит в равной степени информацию и оценку, может быть эмоциональным описанием объекта, факта или ситуации. Типичное высказывание такого рода относим к оценочному речевому жанру, так как оно содержит функционально оценочные средства (оценка признака, предмета, явления и др.), оценочные тропы (могут быть метафоры, эпитеты и др.), предложения с прямой речью (речь персонажа), вводными словами и оценочными вставными конструкциями.

«Клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на все благородное» (Русская женщина).

Информация служит для доказательства, подтверждения или объяснения высказанной оценки.

Функция оценочных речевых жанров в произведениях Н.В. Гоголя – выявление характерных черт персонажей, выражение авторского отношения к ситуации и героям. Парадигма оценочных высказываний построена на оппозиции «положительная-негативная» оценка. Языковые единицы, в структуре семантики которых имеется оценочный компонент, являются

ключевыми элементами оценочных речевых жанров в произведениях Н.В. Гоголя.

Современное речеведение является неотъемлемой частью исследования языка художественной литературы, идиостиля писателя. Русская классическая литература дает нам не только замечательные примеры реализации русского литературного языка, но и образцы типичных «форм высказываний», речевых жанров, характерных для каждой сферы коммуникации [Бахтин с. 159]. Классификация речевых жанров предполагает применение основного критерия – коммуникативной цели, выделяются информативные, императивные, оценочные, этикетные речевые жанры [Шмелева с. 91-92]. Однако многие исследования языка художественных произведений показали, что разнообразие реализации интенции автора рождает синкретичные высказывания «несущие содержательные и формальные признаки разных речевых жанров» [Глухих 159]. Отмечалась также необходимость и эффективность включения в высказывание языковых единиц разных уровней для создания объемной характеристики героя [Казачук.2019.].

Синкретизм речевых жанров в произведениях Н.В. Гоголя наблюдается в ряде произведений разных контекстах. При этом высказывание имеет основную «магистральную» коммуникативную цель, достижению которой способствуют элементы, свойственные речевым жанрам, реализующим обычно другие коммуникативные цели, например, информация с элементами оценки, императив, сопровождаемый и обусловленный информацией, и др.

Проиллюстрируем данный тезис на материале императивных речевых жанров *приказ* и *просьба*. Центральное место в арсенале средств выражения каждого из перечисленных жанров занимают перформативные конструкции «я приказываю», «я прошу», которые позволяют однозначно отличать один жанр от другого на формальном уровне. Однако герои Гоголя редко используют эти перформативы, поскольку того же эффекта можно достичь более яркими высказываниями. Так, основное содержательное отличие *приказа* состоит в наличии у говорящего официального права побуждать адресата к действиям и

заставлять выполнять эти действия. И это известно обеим сторонам, поэтому перформатив количественно лишний в высказывании, а любая незамещенная позиция создает неполноту речи. Поэтому есть возможность дополнить императив информативными и оценочными элементами, сохранив при этом иллюкцию и императивную модальность:

«Городничий. А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не пускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, вашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько!» (Ревизор)

Просьба как речевой жанр информирует о желании говорящего, содержит информацию о желаемых действиях адресата. Как и в предыдущем случае, синкретизм речевого жанра обусловлен включением мотивирующих и усилительных компонентов: этикетных обращений, оценочных частиц, косвенных вопросов, разговорных конструкций разного типа, информативных вставок с усилителями-наречиями меры и степени и т.п.

«Чичиков ... :

— А! чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба. ...

— Вот какая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые ещё не вычеркнуты из ревизии?

— Ну есть, а что?

— Переведи их на меня, на мое имя...» (Мертвые души).

«Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно поиздержался. Нет ли у вас взаймы денег — рублей четыреста?» (Ревизор).

Информативные высказывания у Гоголя разнообразны и яркие, наполнены элементами оценочности и эмоциональности. Синкретизм наиболее объемно можно проиллюстрировать на примере внутреннего монолога — информативного высказывания, связанного с личностной характеристикой персонажа. Кроме информативной составляющей, внутренний монолог

включает образные средства, а также выражения, являющиеся средствами волеизъявления.

«Эк какую баню задал! смотри ты какой! Тут много было посулено Ноздреву всяких нелегких и сильных желаний; попались даже и нехорошие слова. Что ж делать? Русский человек, да еще и в сердцах. К тому ж дело было совсем нешуточное. «Что ни говори, – сказал он сам себе, – а не подоспей капитан-исправник, мне бы, может быть, не далось бы более и на свет божий взглянуть! Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!»» (Чичиков, *Мертвые души*). Информация подается не только в форме рассуждения и описания, но и с элементами диалога, сравнения, градации. Используются эмоциональные и оценочные лексемы, фразеологизмы, парцелляция с восклицанием. Включение компонентов, свойственных оценочным речевым жанрам, – специфическая черта идиостиля Н.В. Гоголя, средство усиления эмоционального фона произведения, а также характеристики персонажей, как, например, в следующем примере:

«Эк ее, дубинноголовая какая! – сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения. – Пойди ты сладь с нею! в пот бросила, проклятая старуха!» (*Мертвые души*).

Как и в предыдущих примерах, монолог часто содержит элементы диалога, включаются обращения и к воображаемому собеседнику:

«Параска. Нет, мачеха, полно колотить тебе свою падчерицу! Скорее песок взойдет на камне и дуб погнетя в воду, как верба, нежели я нагнусь перед тобою!» (*Сорочинская ярмарка*).

Возможно включение и воображаемой чужой речи, в полемике с ней представлена точка зрения персонажа:

«Чичиков с облегчением вздохнул и произнес от души: «Вот, прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй,

что был сопровождаем плачем вдов и сирот; а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови...»» (Мертвые души).

Контрастными речевыми средствами оценочного характера конкретизируется информация о персонаже, передается авторское отношение к тому, что является любым отклонением от обычного, нормативного.

Для синкретичных высказываний в произведениях Н.В. Гоголя важным является наличие именно оценочных компонентов как призванных выражать авторское отношение к предмету изображения.

Синкретичные речевые жанры служат созданию неповторимого, специфически авторского представления действительности, для каждого писателя они уникальны, поэтому могут считаться знаковым признаком идиостиля.

1. 8 Побудительные конструкции в лирике В.В.Маяковского

Категория побудительности на протяжении многих лет продолжает быть объектом научных исследований, «вопросы, связанные с неоднозначностью коммуникативной направленности, многокомпонентной структуры, способами выражения категории побудительности, до сих пор остаются недостаточно изученными, что объясняется многоплановым содержанием данного понятия» [3, 429].

Побудительные конструкции – универсальный продукт речевой деятельности, играющий большую роль в процессе коммуникации людей. Под побудительными мы понимаем синтаксические конструкции, содержащие формы императива или его аналоги и служащие для выражения воли говорящего, его стремления побудить другое лицо к совершению какого-либо действия. Побудительные конструкции – неотъемлемая часть речевого общения, с их помощью организуется общественная, хозяйственная, политическая и др. деятельность, во всех областях человеческой коммуникации требуется выражение человеком своего волеизъявления [2]. Побудительные

конструкции широко используются в текстах различных функциональных стилей.

Побуждение в языке выражается различными способами и средствами, «для выражения данной семантики в высказывании адресант использует определенный набор грамматических средств, обладающих побудительным потенциалом» [1, 31].

Побуждение, в первую очередь, может быть выражено формами повелительного наклонения процессуальных единиц. Существуют и другие, менее продуктивные способы выражения побуждения в русском языке: глаголы и процессуальные фразеологизмы с семантикой волеизъявления (приказывать, советовать, просить, отдавать/отдать приказ, давать/дать совет и др.); формы сослагательного и изъявительного наклонений, выступающие синонимами императиву; инфинитив; сочетания модели «модальный квалификатор + инфинитив»; междометия; наречия; безглагольные конструкции, где основная роль отводится интонации; вопросительные предложения. Ядром функционально-семантической категории побуждения, стержнем, вокруг которого группируются периферийные средства выражения императивной модальности, являются побудительные предложения, где сказуемое выражено глаголом в повелительном наклонении.

В анализируемом материале регулярной формой выражения побуждения является повелительное наклонение. Доминирование в текстах поэта форм 2 лица единственного и множественного числа обусловлено в первую очередь тем, что это основная конструкция, которая передаёт императивное значение [2]. В.Маяковский, будучи прекрасным оратором, трибуном нового времени, адресовал свои произведения широким массам и лично отдельному человеку. Его желание «достучаться» до каждого, убедить в необходимости менять мир к лучшему реализуется посредством данных форм: *Эй! Человек, землю саму зови на вальс! Возьми и небо заново **вышей**, новые звезды **придумай** и **выставь**...(Эй!); **Крепи** у мира на горле пролетариата пальцы! (Левый марш); Довольно! *Радость трубите всеми голосами!* (Революция. Поэтохроника).*

Использует поэт и формы вежливого побуждения во множественном числе, обращенные к одному собеседнику: *Я ученый малый, милая, громыханья оставьте ваши...* (Гейнеобразное). В.Маяковский, известный своим словотворчеством, экспериментировал в том числе и в области формы слова. В побудительных конструкциях поэт использует грамматические окказионализмы. Автор намеренно отступает от нормативных, ожидаемых форм выражения побуждения, а также употребляет просторечные и устаревшие формы, что способствует усилению лирической экспрессии: *Молкнь, винтовки вой! Тихнь, пулемета лай! (Мой май); **Выдь**, окно разломай, а бритвы раздай для жирных горл (Барышня и Вульворт); Посмотри, на площадь **выйды** — ни крестьян, ни ситника (История про бублики и про бабу, не признающую республики).*

Частотны в лирике В.Маяковского формы повелительного наклонения, образованные в соответствии грамматическими нормами от окказиональных глаголов: *Огнем пустыри **расфабричь!** ... Огнями ламп просверливай мрак, республику **разэлектричь** (Ленинцы); Что ж, сиди и в плаче Нилом **нилься** (Любовь); Перья-облака, закат **расканарейте!** (Разговор на одесском рейде десантных судов); **Не юбилейте!** (Не обилейте!)*

Аналитические формы повелительного наклонения, организуемые сочетанием частиц *пусть, пускай, да* с глаголами 3-го лица, менее продуктивны, так как они связаны с опосредованным побуждением к действию лица (лиц), не участвующего (-их) в диалоге. Такими конструкциями, как правило, транслируется побудительно-пожелательная или побудительно-разрешительная семантика: выражается желание говорящего, чтобы действие совершилось третьим лицом, или дается разрешение на совершение действия этому лицу. Экспрессия волеизъявления в них ослаблена: *Пусть толпы в небо **вбивают топот!** Пусть флоты ярость сиренами **вырычут!** (Революция); И **пускай** с газеты какой-нибудь выродок **сражается** с нами! (Мы идем). Пусть **ропицут** поэты, слюною плеща, губою презрение вызмеив (Даешь материальную базу!). Зачастую такие формы побуждения приобретают*

риторический характер: *Скажите Москве – пускай удержится! Пускай не теряется!* (Я и Наполеон); *Пусть только время скорей родит такого, как я быстрогого* (Город).

Использовал поэт также и формы, выражающие приглашение к совместному действию (т.е. формы инклюзивного повелительного наклонения): *Отравим кровью игры Рейна!* (Война объявлена); *Знаете что, скрипка? Давайте будем жить вместе!* (Скрипка и немножко нервно); *Давайте весенних бабочек ловить сетью ненужных нервов!* (Гимн здоровью); *Давайте честно поторгуем!* (Универсальный ответ).

Помимо повелительного наклонения, в стихотворениях поэта для выражения волеизъявления используется инфинитив: *С его мандатами какой, скажите риск? С его знакомствами ему считается не с кем. Соседу по столу, напившись в дым и дрызг, орет он:»Гражданин, задернуть занавеску!»*(Помпадур); *Каждому в лапки дать по тряпке. За спину ведра – и марш бодро!*(Канцелярские привычки); *Смерть – не сметь!* (Комсомольская); *Обложит облака! Начать бои!* (Пролетарий, в зародыше задуши войну!). Яркая экспрессия инфинитива с побудительной семантикой сближает художественную речь с публицистической, что характеризует идиостиль поэта-трибуна, поднимающего в своих произведениях злободневные социальные проблемы.

В стилистическом отношении категория волеизъявления представляет интерес благодаря «развитой синонимии и яркой экспрессивной окраске ряда глагольных форм» [5]. В текстах В.Маяковского используется переносное употребление форм наклонений, семантику волеизъявления приобретают глаголы изъявительного и условного наклонений: *Даеть на дружбу руку, товарищ агроном!* (Урожайный марш); *Чтоб пенистой пива, чтоб крепче вина хватали за душу песни* (В повестку дня); *Чем так, без дела заходить, ко мне на чай зашло бы!* (Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче); *В музее вот эти лачуги б выместит!* (Версаль).

Лексическими средствами выражения побуждения являются глаголы с семантикой волеизъявления (требовать, приказывать, советовать, желать и т.п.) в любых грамматических формах: *Я по праву **требую** пядь в ряду беднейших рабочих и крестьян (Разговор с фининспектором о поэзии); Мы **требуем** мира. Но если тронете, мы в роты сожжемся, сжавши рот (На Западе все спокойно); **Желаю**, чтобы был мир огромной замочной скважиной. (Сплетник).*

Безглагольные побудительные конструкции. используемые В.Маяковским, организуются с помощью наречий, предложно-падежных форм существительных, междометий: ***Вперед** тракторам на целине! (Марш удачных бригад); **Прочь**, служивый! (История про бублики и про бабу, не признающую республики); **Еще! О, еще! О**, ярче учи, красноязыкий оратор!(Революция); **Товарищи! На баррикады!** – Баррикады сердец и душ (Приказ об армии искусства); **Будущее не придет само, если не примем мер. За жабры его, – комсомол! За хвост его – пионер!** (Выволакивайте будущее); **Граждане, за ружья! К оружию, граждане! Горе двуглавному!**(Революция); **Хлеба! Хлебушка! Хлебца!**(Сволочи!); **Ни с места!** Скажите, кем из вас в окне пристрелен Жорес?(Жорес); **За спину ведра – и марш бодро!**(Канцелярские привычки); **Будьте прокляты! Вечное «вон» им!** (Сволочи!).*

Апеллятивность в побудительных конструкциях усиливается за счет включения в их состав обращений: «назначение обращения - побуждать слушать, а назначение императива - побуждать действовать» [4, 184]: *О, ярче учи, **красноязыкий оратор!** (Революция); **Граждане, за ружья! К оружию, граждане!** (Революция); **Дяденька, брось, а то уронишь** (Советская азбука); **Сметай с горбов толстопузых обузу, **ацтек, креол и метис!**** (Мексика). Типичны для лирики В.Маяковского риторические обращения: **Смерть, косу положи!** (Комсомольская); **Электричество дей, **река-лиха!**** (Марш ударных бригад); **Идемте, **башня!**... Идемте к нам!** (р\Разговорчики с Эйфелевой башней).*

Побудительные конструкции могут быть одним из способов организации текста. Так, например, на них практически целиком построено стихотворение

«Левый марш» – призыв встать в строй вместе со всеми на защиту Родины и революции.

Таким образом, в лирике В.В. Маяковского широко используются исследуемые конструкции в силу экспрессивных и стилистических возможностей побудительной семантики.

В своем творчестве Маяковский стремился вести разговор с людьми не столько через книгу, сколько непосредственно через живое общение. Поэтому его стих – это прежде всего ораторский стих, ориентированный на выступление перед широкими массами людей. Его поэтическое слово всегда было ориентировано на творческий эксперимент, на новаторство, на устремленность к будущему миру и будущему искусству. Он всегда хотел быть услышанным, отсюда так много призывности, побудительности в его стихах.

2 Контекст как индикатор разграничения синонимии лексем и фразеологизмов (в помощь учителю начальных классов)

Все лингвистические явления в современном русском языке изучаются на основе текста, так как любое слово или фразеологизм реализует то или иное значение в речи, а текст и есть порождение речевой деятельности автора. Изучая явление синонимии в языке и речи, мы прежде всего ориентируемся на употребление слова или фразеологизма в каком-либо контексте. В нашей работе под контекстом мы понимаем отрывок текста или речи, необходимый для определения смысла, входящего в него слова или фразеологизма. Контекст всегда выступает индикатором проявления истинного значения языковой единицы, употребляемой говорящим в речи. Рассматривая явление синонимии, мы прежде всего ориентируемся на системный подход в языкознании. Слово и фразеологизм являются равноправными единицами единой лексико-фразеологической системы русского языка.

Слова составляют основу лексической системы, поэтому необходимо определить слово как единицу этой системы. За многие годы своего развития наука о языке накопила очень много определений слова. Единица языка, называемая словом, по определению Э. Бенвениста, является основной, с которой так или иначе связаны все остальные единицы. Отсюда особая многогранность слова, порождающая возможность его разноплановых характеристик. Такие характеристики зависят от того, с какой стороны мы подходим к слову, в каком аспекте его рассматриваем. Имея в виду фонетическое слово, мы определяем его как комплекс звуков, объединенных ударением. Применительно к морфологическому слову возможно его определение как цельноформленного комплекса морфем, обладающего самостоятельным значением. Говоря о синтаксическом слове, мы определяем его как член предложения, обладающий относительно самостоятельным значением. Каждое из определений, объективно верное в рамках какого-либо одного аспекта, все-таки оказывается односторонним и недостаточным.

Для лексикологии более ценным является определение слова с точки зрения лексической системы языка. Слово как единица лексической системы языка может быть охарактеризовано, во-первых, с точки зрения его собственных, только ему присущих функций, во-вторых, с точки зрения тех особенностей, которые обусловлены его взаимоотношениями с единицами других уровней, непосредственно связанных с лексическим.

Начнем рассмотрение признаков именно с этих взаимоотношений. В языковой системе лексический уровень лежит выше морфологического уровня и предшествует уровню синтаксических единиц. В соответствии с общими законами строения системы слово связано с единицами нижележащего уровня, морфемами, по своей форме. Морфемы являются средством построения слова, и поэтому – с формальной точки зрения – оно может быть охарактеризовано как комплекс морфем. При этом слово существенно отличается от морфем своей выделяемостью, обусловленной самостоятельностью его значения.

С основной единицей вышележащего, синтаксического уровня – предложением – слова связаны функционально. Одна из важнейших языковых функций слова – это функция члена предложения. Слово участвует (в качестве средства) в построении предложения, внося свой вклад в его общий смысл. Главным структурным отличием слова от синтаксических единиц, предложения и словосочетания является его цельнооформленность. Именно признаки – выделяемость и цельнооформленность – были сформулированы выдающимся советским лексикологом А. И. Смирницким в качестве важнейших для слова. Главный смысл этих признаков в том, что они дают возможность отграничить слово от других, ближайших и тесно связанных с ним единиц – морфем и предложения, выявляют специфику слова.

Как единица лексического уровня слово определяется прежде всего по своей уникальной функции – быть средством номинации. Слова существуют прежде всего, как наименования различных явлений действительности, благодаря тому, что в их значениях содержатся обобщенные образы этих явлений, информация о них.

Рассмотренные существенные признаки слова являются важнейшими для определения слова как единицы лексического уровня, так и основной единицы языковой системы в целом. Д. Н. Шмелев дает следующее определение слову: «Слово – это единица наименования, характеризующаяся целью оформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью».

Слово – знаковая единица. В нем органически слиты две стороны – форма и значение. Форма слова, которая представляет собой чаще всего комплекс морфем, манифестирует (выражает) определенное содержание – лексическое значение слова. Именно лексическое значение дает возможность слову выполнять основную номинативную функцию и должно быть подробно рассмотрено при характеристике слова как лексической системы.

Лексическое значение слова определяется рядом факторов, среди которых можно выделить внелингвистические и внутрilingвистические. Среди внелингвистических выделяют следующие факторы:

1) связь лексического значения слова с явлениями реальной действительности (денотатами);

2) связь лексического значения слова с понятием как формой мышления, отражающей эти явления действительности.

Оба фактора тесно связаны между собой, хотя преломление в их содержании слова различно. Предметно-денотативный фактор обуславливает возможность использования слова как названия применительно к любому конкретному предмету определенного типа. Этот фактор обуславливает номинативную функцию слова. Связь с понятием (сигнификативный фактор) обуславливает обобщенность лексического значения слова, делает слово орудием человеческого мышления.

Обладая денотативным значением, слово окно, например, может служить названием любого окна, в любом помещении, в любом оформлении (окно избышки, окно гостиницы, окно самолета). Связь с понятием обуславливает то,

что в нашем сознании значение слова окно осмысливается как совокупность признаков:

- 1) часть здания,
- 2) в виде отверстия,
- 3) в стене,
- 4) для проникновения света и воздуха,
- 5) оформленного рамой,
- 6) из стекла или другого прозрачного материала.

Внутрилингвистические (внутриязыковые) факторы – это связи, которые существуют между словами и которые также участвуют в формировании лексических значений. Одни связи проявляются в контексте в зависимости значения слова от его синтаксического окружения, другие – во всякого рода ассоциациях слов, обладающих тем или иным сходством. Так, например, значение слова заклятый мы не сможем осмыслить вне его связи с постоянным контекстным партнером – словом враг, а значение слова ластиться – без опоры на его синоним – слово ласкаться.

Ведущая роль в процессе формирования лексических значений слов принадлежит, безусловно, внелингвистическим факторам, но без семантического взаимодействия с другими словами внутри самого языка слово как единица лексической системы немислимо. Следует также иметь ввиду, что указанные факторы по-разному проявляются в словах различного типа. Так, в именах собственных (Москва, Урал, Волга и т.п.) ведущим, естественно, является денотативный фактор, связь слова с тем уникальным явлением действительности, именем, названием которого оно выступает. В терминах различных наук и вообще в словах с достаточно общим, абстрактным значением, например, фонема, морфема, акцентология, графика или движение, безопасность, сила, борьба, разум, прогресс, главным для формирования их значений является фактор логический, связь слов соответствующими понятиями.

В основе стилистических и экспрессивных синонимов лежат связи с нейтральными доминантными словами. Так, слова длинный, высоченный, долговязый являются стилистическими синонимами к слову высокий (человек), употребительными в разговорной речи. По основному, понятийному содержанию они соотнесены с прилагательным высокий, подчинены ему, осмысляются как его дублиеты, обладающие дополнительными оттенками экспрессивно-стилистического характера. (слова очи, буркалы, зенки, гляделки, являются экспрессивно-стилистическими синонимами слова глаза.)

Понятие лежит в основе лексического значения слова, определяя многие его особенности. Рассмотрим некоторые из них.

Понятие одна из основных форм мышления, с помощью которой реальная действительность обобщенно отражается в нашем сознании. Каждое понятие имеет две основные характеристики: объем и содержание. Объем понятия – это класс определенных явлений, обобщенных в нем, а содержание – совокупность существенных признаков этих явлений.

Лексические значения слов определяются прежде всего содержанием понятий. В значениях слов выделяются компоненты, семантические признаки, соотнесенные содержательными признаками понятий. Формальное понятие дерева включает в себя такие признаки, как

- 1) растение,
- 2) многолетнее,
- 3) имеющее ствол и ветви,
- 4) покрытое листьями.

Сравним определение значения слова дерево: многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону.

Существует следующая закономерность: чем шире объем понятия, тем беднее его содержание, уже круг признаков, из которых оно состоит. Так, объем понятия дерево шире, чем объем понятия береза, ибо первое понятие охватывает деревья всех видов, а второе – только деревья определенного вида.

Соответственно содержание понятия береза богаче содержания понятия дерево, т.к. в нем содержатся такие специфические признаки, как лиственность, белая кора.

Отмеченная закономерность находит свое отражение и в значениях слов, в частности в том, что содержательность лексических значений закономерно соотносена с уровнем их абстрактности, обобщенности. Чем более обобщенным является значение слова, тем менее оно содержательно, тем меньше в нем семантических компонентов. Для сравнения проведем наблюдение над словами:

вещество – качественная определенность материи, то, из чего состоит физическое тело;

жидкость – вещество, обладающая свойством течь и принимать форму сосуда, в котором оно находится;

напиток – жидкость, специально приготовленная для питья;

лимонад – сладкий, прохладительный напиток с соком ягод или фруктов.

По мере того, как от слова вещество к слову лимонад понижается уровень абстрактности слов, повышается содержательность их значений. Это проявляется в том, что в определение значения каждого последующего слова входит предшествующее слово со всем его содержанием.

В русском языке есть слова различной степени абстрактности и, следовательно, различной степени содержательности.

И еще одна особенность понятий существенно важна для характера лексических значений слов – подвижность понятий, их гибкость, способность изменять глубину своего содержания. Понятия изменяют свое содержание в процессе познания, ведущего нас от чисто внешних впечатлений о предметах к их глубинной сущности. В связи с этим различаются понятия формальные и научные. В формальных понятиях содержатся те признаки явлений, которые как бы лежат на поверхности и прежде всего осмысляются в качестве главных всеми, кто сталкивается с этими явлениями в своей обычной жизни, в своем непосредственном опыте. Научные понятия складываются в сфере науки,

объектом которой становятся явления. Например, в обычном толковом словаре значение слова вода может быть определено как “прозрачная жидкость без цвета и запаха, образующая реки, моря и другие водоемы, используемая человеком как питье и составная часть пищи”. В качестве специального термина это слово толкуется по-другому, к нему дается определение дефиниция, соответствующая научному понятию. Содержание термина вода в специальном словаре может быть охарактеризовано как: “жидкое вещество, представляющее собой соединение водорода и кислорода, температура плавления – ноль градусов, температура кипения – сто градусов, удельный вес – 1, способно растворять в себе другие вещества” и др. признаки.

Указанные особенности понятий приводят к тому, что значения слов как бы не имеют жестких границ, содержания этих значений может быть различным у разных людей, в зависимости от уровня их образования, особенностей профессий, житейского опыта.

Итак, основными моментами, в которых проявляется связь слов с понятием, составляющими стержень их лексических значений, являются:

1) зависимость содержания слов от признаков, составляющих содержание понятий;

2) соотношенность степени абстрактности слова и степени содержательности их значений с объемом и содержанием понятий;

3) семантическая неопределенность слов как отражение подвижности понятий.

Связь слов с понятиями имеет характер взаимообусловленности, единство двух явлений, существование которых невозможно вне этой связи. Слова неразрывно связаны с понятиями по своему содержанию, понятия не могут существовать, не будучи оформленными с помощью слов. Понятия объективируются в словах и могут быть переданы с помощью слов в виде информации в процессе общения людей.

Существуют дополнительные компоненты лексического значения слова, не входящие в его понятийное содержание:

1) мотивировочный признак, “внутренняя форма слова”, “внутреннюю форму” могут иметь только такие слова, которые являются производными, мотивированными словами, от которых образованы.

- писарь – канцелярский служащий, занимающийся перепиской и ведением бумаг;

- письменность – совокупность графических знаков, употребляемых для писания;

2) оттенки экспрессивно-стилистического характера. Социально значимая информация может относиться как к явления, обозначенному словом, так и к самому слову. Те или иные явления могут оцениваться в сознании носителей языка, общественном сознании как знаком “плюс”, так и знаком “минус”. Соответственно слова, обозначающие такие явления, содержат в своих значениях помимо понятийного содержания информацию о социальной оценке явлений, имеющую преимущественно эмоциональный характер. В словарях слова с оценочной информацией даются со специальными пометами: шутливая, презрительная, неодобрительная, ироническая и т.п., например: благоверный (шутл.) - муж, бабуся (ласк.) – бабушка, балбес (бран.) – бестолковый подросток.

3) социально-психологические ассоциации, связанные с тем или иным словом. Социальная оценка слова указывается в виде помет: областное (обл.) при словах байка, балясник,; просторечное (прост.) – балаганщина, баять, барчук; разговорное (разг.) – бабахнуть, балагурить; книжное; химическое; физическое; медицинское; морское; музыкальное и т.д..

С отдельными словами в сознании носителей языка могут быть связаны разного рода психологические ассоциации, от социально значимых, общих для всех, до индивидуальных. Примером первых могут быть те ассоциации, которые связаны у русских людей со словом береза как символом России, не раз воспетым поэтами.

Индивидуальные ассоциации проявляются в том, что люди могут не любить какие-то слова, например госуниверситет, вкуснятина, которые воспринимаются как лично «неприятные».

В результате взаимодействия внелингвистических и внутрилингвистических факторов создается не только вещественное разнообразие лексики, но и большое разнообразие типов лексических значений слов. Связь слов с внеязыковой действительностью, осуществляемая посредством мышления, обуславливает открытый и подвижный характер лексической системы языка. Это обстоятельство, а также разнообразие типов слов, типов их взаимных связей приводит к тому, что словарный состав языка оказывается очень сложным объектом, с трудом поддающимся схематическим описаниям. Может быть, именно в этом заключается причина того, что вопрос о системности лексики, поставленный в науке сравнительно давно, долгое время оставался спорным.

Итак, слово как единица лексической системы имеет два статуса. Во-первых, статус самостоятельной номинативной единицы, отвлеченной от реальных функций в предложении. Во-вторых, статус синтаксического слова, элемента предложения, в составе которого слова соединяются друг с другом, участвуя в создании и выражении общего смысла высказывания. В грамматике эти два статуса слов представлены в традиционном разграничении слова как части речи слова как члена предложения. А.М.Пешковский писал по этому поводу: «Мы должны различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и другой – при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых... Это «отвлечение» не есть плод научных размышлений, а живой психологический факт, и он может, даже вопреки действительности, представляться как первосущность, а конкретные образы слов в словосочетаниях как модификации этой первосущности».

Разработка этой проблемы дается в статье В. В. Виноградова «О формах слова», в которой он предложил различать два понятия и два термина – слово и

лексема, т.е. лексическая единица языка как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или форма слова и слово.

Разграничение двух статусов слова является необходимой предпосылкой эффективного изучения системных связей слов в рамках лексической системы современного русского языка.

Лексический состав языка является одной из составляющих величин языка (составляющие языка: звуковой строй языка, лексический и синтаксический).

О богатстве и развитости языка судят по тому, сколько слов в языке, многозначные они или однозначные. Русский язык относится к числу богатых, развитых языков мира, его лексический состав насчитывает сотни тысяч слов, а возможно, и миллион; высок процент многозначных слов в русском языке.

Словарный состав языка изучает лексикология, в которой слова характеризуются по их значению, по способности объединяться в синонимические ряды, разделяться на омонимы, выстраиваться в антонимические пары, характеризуется процесс формирования лексического состава языка из исконных и заимствованных слов.

О русской лексикологии можно сказать, что она представляет собой сложившуюся отрасль языкознания.

Слово с античности было единственным, исключительным объектом, предметом языкознания. Но это не означает, что слово являлось и является единственной, исключительной единицей обозначения, что номинативный строй языка состоял и состоит только из слов.

В русском языке, как и в других, всегда существовали и теперь существуют свехсловные обозначения предметов, признаков, свойств, действий, качеств, количеств и понятий в современном русском языке.

Понятие о предмете: снег (падающий) – белые мухи

современность – сегодняшний день

о признаке: умный – семи пядей во лбу

глуховат – тугой на ухо

о действии: спорить – биться об заклад

удивляться – диву даваться

о качестве, признаке действия:

кратко – в двух словах

небрежно – спустя рукава

о количестве: много (наговорить) – с три короба

(очень мало) – всего ничего.

Предлоги: за (кем, чем) – вслед за (кем, чем)

к (кому, чему) – в направлении к.

Союзы: чтобы – во имя того чтобы

хотя – несмотря на то что.

Частицы: почти (+точное количество) – без малого (+точное количество).

Модальные единицы: возможно – может быть, бог даст

Конечно – спору нет, слов нет.

Сверхсловные обозначения называют по-разному:

- фразеологические обороты (Н. М. Шанский)
- фраземы (В. Л. Архангельский)
- фразеологическая единица (В. В. Виноградов)
- фразеологизм.

Все приведенные термины образованы от лат. *phrasis* – выражение, оборот речи.

В своей работе мы будем опираться на сущность фразеологизма, отмеченную А. М. Чепасовой: «Фразеологизм представляет собой качественно новую языковую единицу, обладающую специфическими языковыми признаками, то отличающими ее от слова, то сближающими ее с отдельными словами».

Существовавшие в науке различные определения ФЕ давали неоднозначное представление о качественном своеобразии ФЕ, об их категориальной сущности, в результате чего учеными по-разному определялся сам состав данных единиц в русском языке.

Если фразеологизм выделяется в особую единицу языка, то она может существовать в языке только в единстве своей формы и содержания и должна отличаться своей категориальной сущностью от всех других единиц, в том числе от близких, сходных, совпадающих какими-то общими с ней чертами. Вне этого единства формы и содержания нельзя понять ни лексико-грамматический характеристики ФЕ, ни особенностей ее употребления, ни истории ее формирования, ни соотношения ее с другими единицами, в том числе со словами и словосочетаниями.

Фразеологизмы образуют фразеологический состав, который является частью номинативного строя наряду с лексическим составом. Поэтому лексический и фразеологический состав языка образует номинативный строй.

Изучением фразеологического состава занимается фразеология. Термин этот имеет три значения. Первое – наука о фразеологическом составе языка (*phrasis* – выражение + *logos* – слово, учение), второе – совокупность ФЕ одного языка, третье – совокупность приемов словесного выражения, свойственных кому-либо, какому-либо времени.

Началом фразеологии русского языка считаются труды академика Виктора Владимировича Виноградова, вышедшие в 40-х годах. С тех пор фразеология превратилась в сложную науку, насчитывающую несколько разделов.

Многие исследования фразеологии, подробно рассматривая различные типы фразеологизмов, избегают давать определение фразеологизма. Совершенно ясно, что правильное его определение невозможно без учета его отличий от слова и свободного сочетания слов.

Приведем определения ФЕ, данные учеными-лингвистами.

А. А. Реформаторский: лексикализованные сочетания (от нем. *Lexikalisieren* – лексикализовать). «Это не свободные сочетания слов, а лексикализованные, т.е. стремящиеся стать одним словом, одной лексемой, хотя и не потерявшие еще формы словосочетания».

В. П. Жуков: «Фразеологизм – это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний (непредикативного и предикативного характера), обладающим целостным (реже – частично целостным) значением и сочетающейся со словами: ни рыба ни мясо, ни жив ни мертв, смотреть сквозь пальцы, руки опускаются (у кого), все шишки посыпались (на кого)».

Н. М. Шанский: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух и более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу, структуре»

В. М. Мокиенко: «Под ФЕ понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением».

Исследование ФЕ наряду с глубокими и всесторонними анализами фразеологического богатства русского языка позволяет решить целый ряд очень важных и сложных вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, характера лексического значения слова, соотношения синтаксической сочетаемости слов, их значения, различных вопросов словообразования и этимологии.

В своей работе мы будем опираться на теорию А.М.Чепасовой, т.к. она не противоречит общепринятому пониманию ФЕ.

«... Семантическая специфика фразеологизма заключается в том, что отдельные слова, объединяясь в состав фразеологизма, образуют новое семантическое целое, отличающееся от значения, особенно номинативного, составляющих его компонентов, «растворением» их лексического значения в семантике и значение данного фразеологического целого. Слова-компоненты утрачивают свою способность раздельного соотнесения с реальным миром. Лексически они перестают быть словами».

Рассмотрим некоторые свойства фразеологизмов.

Основным свойством фразеологизма, коренным образом ограничивающим его от свободного сочетания слов и в то же время сближающим его со словом, является воспроизводимость. То есть фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспринимаются как готовые целостные единицы: если свободные словосочетания создаются из отдельных слов в процессе общения, то фразеологизмы извлекаются из памяти уже цельнооформленными сочетаниями.

Цельность значения фразеологизмов в том, что, они могут соотноситься со словом по значению. Так соотносимы слово много и фразеологизмы хоть пруд пруди, вагон и маленькая тележка, как песку морского.

Определенная целостность, монолитность значения проявляется уже в том, что они выступают в качестве одного члена предложения. Например, Миша приказал долго жить. Этот фразеологизм не может члениться на члены предложения, он весь составляет один член предложения. Он связан грамматически и по смыслу с другими членами предложения. Но бывает и так, что фразеологизм в составе предложения как бы изолирован, т.е. выступает в качестве вводного слова.

Фразеологизмы являются значимыми языковыми единицами. Для них характерно собственное значение, независимое от значений составляющих их компонентов.

Компонент – составная часть фразеологизма, лишенная основных признаков слова.

Рассматривая фразеологизмы дублетного характера типа гонять лодыря – гонять собак, от всей души – от всего сердца, с головы до ног – с головы до пят, можно подумать, что в отдельных случаях компоненты фразеологизма меняются, однако это не так. Фразеологизмы такого типа по отношению друг к другу представляют собой вполне самостоятельные единицы, подобные синонимичным словам с одной стороны и той же производной основой: верить – веровать, читка – чтение.

Кроме отмеченных свойств, в одинаковой степени присущих как отдельным словам, так и ФЕ, для подавляющего большинства фразеологизмов, характерно и такое, казалось бы, «словное» свойство, как непроницаемость структуры. Основная масса фразеологизмов выступает в виде таких целостных языковых единиц, вставки в которые обычно невозможны: от мала до велика, дело в шляпе, сломя голову. Правда у многих фразеологических единств такой непроницаемой структуры не наблюдается, и часто компоненты таких целостных образований бывают в тексте разделены расстоянием.

ФЕ носят национальный характер. Убедиться в этом не трудно, если сопоставить несколько выражений из разных языков, имеющих общее значение.

Значение «после того, как что-то уже случилось, поздно»:

русский – после ужина горчица;

французский – после смерти лекарство;

греческий – после войны союзник;

Можно установить еще одну функцию фразеологизмов – обобщающую. Обобщающий характер значения фразеологизмов способствует их использованию в качестве заголовков.

Фразеологизмы в своем большинстве имеют оценочный характер. Поэтому их часто используют для характеристики человека: по внешнему виду – верста коломенская; дают социальную оценку – ни два, ни полтора, и нашим, и вашим; обозначают сходство людей, давая им отрицательную оценку – два сапога пара, одним миром мазаны, один другого стоит.

Профессор А. М. Чепасова предлагает классификацию фразеологизмов, основанную на учете самого общего значения, имеющегося у большого ряда фразеологизмов. Это общее значение оказывается одинаковым с общим значением одной какой-либо части речи.

1. Предметные фразеологизмы (класс фразеологизмов со значением предмета).

ФЕ может быть обозначением одного лица или их раздельного множества: божья коровка – «робкий человек», лишний рот – «человек, обременяющий кого-либо».

Собирательное единство, коллективное множество лиц: наш брат – «мы», белый свет – «люди, человечество».

Обозначение предметов неживой природы или их совокупности, обозначение вещества: белые мухи – «снег», длинный рубль – «большой заработок».

Обозначение пространства: край света – «место, отдаленное от того, где находится говорящий», золотой век – «период расцвета», вчерашний день – «недалекое прошлое».

Обозначение отвлеченного понятия: последнее слово – «окончательное решение, новейшее достижение в чем-либо», злоба дня – «что-то чрезвычайно важное для настоящего, требующее неотложного обсуждения, решения».

2. Атрибутивно-предикативные фразеологизмы (класс фразеологизмов со значением признаков).

Обозначение какого-либо внешнего признака предмета: с головой – «умный», тугой на ухо – «глуховат».

Обозначение признака и человека, и предмета: тот или другой – «какой-нибудь», первый и последний – «единственный».

Обозначение признаков предметов: грош цена – «плохой по своим качествам, негодный для использования», с иголочки – «новый, модный, современный».

3. Процессуальные фразеологизмы (класс фразеологизмов со значением действия)

Обозначение различной деятельности человека, не направленную на предмет или другое лицо: кривить душой – «лукавить, хитрить», появиться на свет – «родиться».

Обозначение действия, направленного на другой предмет или лицо: связать по рукам и ногам – «лишить возможности действовать активно», срывать маску – «разоблачить».

Обозначение различных состояний человека, перехода из одного состояния в другое: лезть на стенку – «страдать от боли, отчаиваться», пускать слезу – «плакать».

Обозначение действия, процесса, постоянных или необычных свойств предметов, процессов, которые происходят в природе, в обществе, в познании: приходить в негодность – «портиться», лежать в основе – «быть сутью чего-либо».

4. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы (класс фразеологизмов со значением качества действия или степени проявления признака).

Обозначение качественного признака действия, указание на способ или качество его совершения: своими руками – «лично», по душам – «откровенно», в порядке вещей – «обычно».

Обозначение степени проявления действия, т.е. одновременно и качество, и количество: одним глазком – «немного, неотчетливо», спустя рукава – «небрежно».

5. Количественные фразеологизмы (класс фразеологизмов со значением количества).

Фразеологизмы этого класса не способны обозначать чистое количество, определенное число и этим принципиально отличаются от числительных. Именно поэтому на письме фразеологизмы передаются только словами (в три ручья, в два счета). Количественные фразеологизмы обозначают неопределенное количество, как большое, так и малое, или полное отсутствие количества: неопределенное количество: в обрез, всего ничего, по пальцам сосчитать, кот наплакал – 'мало', непочатый край, по горло, с три короба, за глаза, хоть отбавляй, хоть пруд пруди, через край – 'много'; полное

отсутствие количества предметов или действий: ни капли, ни гроша, ни крошки, ни на вершок, ни следа, ни тени, ни шагу.

Числительные могут становиться компонентами разных по общему значению фразеологизмов. Так числительное один входит в состав фразеологизмов: один на один, в один присест, на один покров и др.; числительное два – в два счета, как две капли воды и др.; числительное три - в три ручья, с три короба и др.; числительное семь – за семь верст киселя хлебать, семи пядей во лбу.

Но, находясь в составе этих и многих других единиц, числительные утрачивают значение числа, точного количества предметов, а весь фразеологизм служит в языке чаще всего средством обозначения качества действия, процесса, свойства предмета.

Числительные не вступают между собой в синонимические отношения, нельзя одно числительное заменить другим и сохранить при этом прежнее числовое значение. Находясь в составе фразеологизмов, числительные могут проявить способность заменяться без изменения значения ФЕ. Например, можно говорить, в двух шагах, в трех шагах, в пяти шагах, в ста шагах, и во всех этих видоизменениях фразеологизмы сохраняют значение «недалеко». Также ведут себя числительные два, три во фразеологизме в двух словах, в трех словах, который сохраняет при таких изменениях значение «очень кратко».

6. Модальные фразеологизмы (класс модальных фразеологизмов).

Модальные фразеологизмы являются средством выражения отношения говорящего к высказанной мысли, средством выражения его оценки действий, событий, состояний и т.п.: может быть, в конце концов, черт побери, мало того, по всей видимости, без проблем, как бы не так, куда ни шло, слов нет и др.

7. Грамматические фразеологизмы (классы грамматических фразеологизмов).

Фразеологизмы этого класса в свою очередь делятся на три группы и соотносятся с тремя классами слов – предлогами, союзами, частицами.

В первом классе (по общему счету в седьмом) находятся фразеологизмы, которые обозначают зависимость имени от другого слова или формы, имеют значение предлога. Например, без помощи (кого, чего), в противовес (кому, чему). Фразеологизмы этого класса точно передают падежное значение; они в основном однозначные. В этом отношении они отличаются от предлогов, состоящих из одного слова – с, на, в, по и др., которые «перегружены» значениями.

Вторым грамматическим классом (восьмым по общему счету) являются фразеологизмы, обозначающие связи между синтаксическими единицами (частями). Это связующие фразеологизмы, или фразеологические союзы: а не, с тех пор как. Например, В то время книга стояла у меня над жизнью, а не жизнь над книгой. (К.Паустовский) – а не связывает части сложносочиненного предложения; разделительный союз.

Фразеологизмы третьего грамматического класса (и девятого по общему счету) являются средством обозначения разных смысловых оттенков, их можно для краткости называть фразеологическими частицами: как бы, и без того, без малого, ни много ни мало.

Академик Виктор Владимирович Виноградов классифицирует фразеологические единицы по семантической спаянности компонентов.

С точки зрения семантической слитности, т.е. соотношения, существующим между общим значением фразеологизма и «частными» значениями его компонентов, фразеологизмы современного русского языка делятся на три группы:

- фразеологические сращения;
- фразеологические единства;
- фразеологические сочетания.

Это деление впервые предложил В. В. Виноградов в своих работах «Об основных типах фразеологизмов в русском языке» и «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины».

Фразеологические сращения – это семантически неделимые обороты, общее значение которых не вытекает из семантического взаимодействия компонентов. Эти обороты часто содержат в своем составе фонетические, лексические и грамматические архаизмы, поддерживающие семантическую неразложимость формы. Например:

Юрьев день – обманутые надежды,
попасть в кабалу – стать зависимым,
персона нон грата – вне закона,
ахиллесова пята – уязвимое место,
поскрести по сусекам – собрать остатки.

К фразеологическим единствам относятся такие фразеологизмы, значение которых вытекает из семантического взаимодействия компонентов. Подавляющая часть этих единиц образовалась в результате метафорического переосмысления свободных сочетаний. Например,

рваться в бой – проявлять инициативу,
уйти в мир иной – умереть,
попасть в яблочко – попасть в цель,
спутать карты – сорвать планы.

К фразеологическим сочетаниям относятся воспроизводимые словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, из которых одно имеет свободное, а другое – связанное значение.

Например: уйти в отставку – отойти от дел,
принять участие – оказать помощь,
объявить войну – разорвать отношения,
одержать победу – добиться успеха.

ФЕ можно разделить по стилям речи, в которых они употребляются, и экспрессивной окраске.

Языковые единицы научного стиля, по своей сути точного и строго, имеют свои фразеологические обороты: слепая кишка, точка замерзания, центр тяжести, наклонная плоскость. Фразеологически наполнен и официально-

деловой стиль: довести до сведения, очная ставка. Разнообразна и публицистическая фразеология: положить руку на сердце, греть руки, пригвоздить к позорному столбу, гражданский долг, затронуть чувство чести, щекотливый вопрос.

Особенно богат фразеологическими оборотами разговорно-бытовой стиль. Художественная речь использует ФЕ других стилей, но в измененной функции – в эстетической. Например: шутка сказать, диву даваться, чем свет, держать камень за пазухой, кровь с молоком и др.

К фразеологизмам с разговорно-бытовой эмоционально-стилевой окраской относятся: ни в зуб ногой, через пень колоду, стреляный воробей, скалить зубы и др.

Русская фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придает речи неповторимый национальный колорит.

ФЕ обладают разной степенью эмоциональной экспрессии. Экспрессия – это выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами. В экспрессивно-эмоциональном аспекте ФЕ могут быть представлены как группы со своеобразной стилиевой окраской.

Высокие, торжественные: из глубины веков, сын отечества. Неодобрительные: пороть горячку, мелко плавать, из пальца высосать. Иронические: плакать в жилетку, тишь да гладь. Грубые: ни в хвост ни в гриву, воротить рыло, с жиру беситься. Шутливые: кормить завтраками, тютелька в тютельку, сапоги всмятку. Выделяют также и стилистически нейтральные ФЕ: железная дорога, сахарная пудра, новогодняя елка, полярный круг.

Лексемы и фразеологизмы могут быть как однозначными, так и многозначными (моно- и полисемичными).

Многозначность как свойство слов говорит о многом, о том, что слово живет в языке очень давно, может быть тысячелетие, и не одно, таковы, например, слова мать, отец, ночь, голова, хлеб и др.; о том, что человек, общаясь с другими людьми, соединил какой-то звуковой комплекс, найдя в них

что-то общее; о том, что слово это, чаще всего, исконное, изначальное для нашего языка. На вопрос – сколько многозначных слов в русском языке, в языкознании нет точного ответа, и едва ли его можно получить, потому что нет полного словаря русского языка и его невозможно составить, потому что новые значения появляются у слов постоянно, по мере необходимости обозначить новый предмет, новый признак и т.д. «старым» звуковым комплексом. Но, основываясь на данные больших толковых словарей, приблизительно можно сказать, что в русском языке от 60 до 80% многозначных слов.

Каждое слово возникло и возникает в языке как однозначное: одно звучание – одно значение. Впоследствии на базе одного (оно может быть названо первым) значения возникают все другие, причем может быть несколько путей образования новых значений:

1. Все новые значения образуются от первого как исходного. Схематически этот путь можно изобразить в виде лучей, исходящих из одного источника. Такова, например, семантическая структура слова стол.

2. Каждое новое значение образуется от предшествующего. Схематически этот путь можно изобразить в виде лесенки, на верху которой находится первое значение. Примером такого способа является слово серый.

3. Новые значения связываются между собой и с первым по принципу расположения ветвей дерева. При этом несколько вторичных значений могут образоваться от какого-то одного. Образно можно представить себе первое значение стволом, от которого в разные стороны отходят новые значения – ветви.

Второй и третий пути образования новых значений обнаруживаются в многозначных словах.

Все значения одного слова или фразеологизма образуют его содержательную (семантическую) структуру. Первое значение, конкретное, имеет самую сложную структуру, оно состоит из самого большого количества семантических элементов, или, как их еще называют, семантических множителей.

Разные значения одного слова связаны между собой общим семантическим элементом, или общей семой.

В каждом многозначном слове или фразеологизме общая сема указывает на качественное развитие слова и языка в целом, потому что количество номинативных единиц с появлением у них новых значений не увеличивается.

Многозначность в области фразеологии изучена гораздо меньше, чем в области слов, и это понятно, потому что фразеология – молодая наука. Тем не менее, основные закономерности образования новых значений в области слов распространяется и на фразеологию. Однако, так как фразеологизмы в отличие от слова раздельно-оформленные единицы и так как значение фразеологизма почти всегда более обобщенно, более сложно, чем значение слова, то и многозначность в них проявляется не совсем так, как в словах. К числу особенностей можно отнести небольшое количество многозначных фразеологизмов, хотя положение это не опирается на более или менее точные данные. Так, по изученным к настоящему времени объектам, есть такие цифры: многозначных предметных не более 10 %, фразеологизмов модели с родительным падежом – 18 %, процессуальных, по данным Л. Г. Гашевой, около 27 %.

Итак, многозначность в языке – результат семантического разветвления одной языковой единицы (морфемы, слова, фразеологизма). Разные значения одной единицы сохраняют между собой связь в виде общей семы.

Прежде чем перейти к рассмотрению такого явления как синонимия, необходимо сделать общий (краткий) обзор словесных оппозиций. Словесная оппозиция – это пара слов, сходных друг с другом по тем или иным компонентам и в то же время различающихся чем-либо.

Типология словесных оппозиций предполагает их характеристику с двух точек зрения. Во-первых, слова могут быть сходными как по форме, т.е. по наличию в их лексемах общих морфем, так и по значению, если в их значениях есть общие семантические компоненты, семы. В связи с этим различают три основных типа словесных оппозиций:

- формальные,
- семантические,
- формально-семантические.

Формальные оппозиции включают в себя слова, имеющие общие морфемы, но семантически не сходные. Например, слова снимать и понимать имеют общую корневую морфему (-ним-), но в их лексических значениях нет общих сем: снимать – брать что-либо, находящееся сверху; понимать – мысленно воспринимать.

Семантические оппозиции представлены парами слов, у которых нет общих морфем (за исключением грамматических), но по значению эти слова сходны, в этих значениях содержатся общие семы. Например, сын и дочь. Сын – лицо мужского пола по отношению к своим родителям. Дочь – лицо женского пола по отношению к своим родителям. Общие идентифицирующие (общие для обоих слов) семы - «лицо по отношению к своим родителям», дифференцирующие (по, которым слова различаются), соответственно, – «лицо мужского пола» и «женского пола».

Формально-семантические оппозиции объединяют слова, имеющие сходные компоненты как в форме, так и в значении, например: березняк – березник. С точки зрения формальной эти слова сходны по корневой морфеме, в семантическом плане они также близки: березник – роща и лес, состоящий из одних берез, березняк – молодой березовый лес.

Во-вторых, слова, входящие в оппозиции, могут быть охарактеризованы по тому, каково реальное соотношение их компонентов, формальных или семантических, в рамках этой оппозиции. В этом плане слова могут быть сопоставлены либо по форме, либо по значению, поэтому для каждой оппозиции возможны и необходимы две характеристики: одна касается соотношения лексем, другая – соотношения семем.

В зависимости от характера соотношения компонентов различаются три вида оппозиций:

- оппозиция тождества;

- привативная, или оппозиция включения;
- эквиполентная, или оппозиция пересечения.

Оппозиция тождества проявляется в связи слов, сходных только в одном плане, притом сходство их является полным, абсолютным. Примером формальных (т.е. имеющих общую форму) оппозиций тождества могут быть омонимы: мешать (препятствовать) – мешать (смешивать), линь (рыба) – линь (канат). В семантическом плане омонимы абсолютно не сходны, т.е. не имеют никаких общих компонентов. В качестве примеров семантических оппозиций тождества можно привести так называемые абсолютные синонимы, значения которых совпадают: вынуть – извлечь, отец – родитель, лингвистика – языковедение. Отношения между словами, связанные оппозицией тождества, могут быть изображены с помощью формулы АБ – АБ.

Привативные оппозиции также могут проявляться как в формальных, так и в семантических связях слов. Они предполагают такое соотношение компонентов двух слов, при котором одно из слов как бы повторяется в другом, «включается» в него, в этом и выражается сходство. Но при этом в одном из них, в том, которое включает себя в другое, помимо общей части, есть еще специфическая, дифференцирующая часть. Формально эти отношения укладываются в формулу АБ – АБВ, в которой А и Б олицетворяют общие компоненты, а В – дифференциальные.

Семантические привативные оппозиции чаще всего реализуются в соотношениях слов, связанных по смыслу родо-видовыми отношениями, например, передвигаться – лететь. Значение «передвижение» полностью входит в значение глагола лететь, но не исчерпывает этого значения: в его содержании имеются еще компоненты «по воздуху» и «с помощью крыльев».

Часто привативно связанными оказываются слова, у которых сходство проявляется как в форме, так и в значении. Такие слова образуют формально-семантическую оппозицию. Например: учить (преподавать) – учитель (тот, кто преподает). В данном случае мы наблюдаем параллелизм в соотношениях формальных и семантических компонентов слов, входящих в такую

оппозицию. Производное слово «включает» в себя производящее как формально, так и семантически, и в то же время отличается от него теми семантическими компонентами, которые выражены словообразовательным формантом, представляющим собой дифференцирующую часть основы.

Особое положение занимают оппозиции стилистических синонимов, связывающих стилистически-окрашенные слова с нейтральными словами, имеющими то же самое понятийное содержание, например, башка – голова, балагур – шутник.

Третий тип оппозиций – это эквиолентные оппозиции, которые схематически могут быть выражены формулой АБВ – АБГ. Такими оппозициями связываются слова, в которых есть общие компоненты, но наряду с ними – имеются свои специфические компоненты, по которым они противопоставляются друг другу. Слова как бы «пересекаются» друг с другом, частично совпадая и частично различаясь. В приведенной выше формуле элементы АБ знаменуют общие черты, а элементы В и Г – те компоненты, которыми слова различаются, например, котлеты – каша. В значениях этих слов есть общий компонент «кушанье», но в каждом из них имеются и специфические. Дифференцирующие их компоненты: в слове котлеты – «из рубленого мяса или рыбы», в слове каша – «из крупы, сваренной с водой или молоком».

Таким образом, каждая пара слов, образующих оппозицию, может быть охарактеризована, с двух точек зрения. Во-первых, по типу, в зависимости от того, по каким компонентам, формальным или содержательным, сходны слова. Во-вторых, по характеру соотношения компонентов в каждом из планов: лексемном или семемном.

Круг вопросов, связанных с изучением словесных оппозиций, представляет собой малоисследованную область русской лексикологии. В настоящее время достаточно исследованными являются только некоторые типы словесных оппозиций.

Мы же перейдем к более подробному рассмотрению оппозиций тождества по значению. Они представлены лексическими синонимами.

Вопрос о лексических синонимах существует в филологической науке с момента ее зарождения и продолжает сохранять свою остроту. Традиционное определение лексических синонимов трактует их как слова, близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо обоими этими признаками.

У А. П. Евгеньевой в проекте Словаря синонимов находим: «В традиционном понимании синонимов, как слов, близких или тождественных по значению, наиболее принятой является точка зрения, рассматривающая синонимы как слова, обозначающие одно понятие, но различающиеся оттенками значения или экспрессивными и стилистическими особенностями»

«Слова, способные в том же контексте или контекстах, близких по смыслу, заменять друг друга без ощущения заметного различия по смыслу, носят название синонимов», - пишет Л. А. Булаховский.

В «Толковом словаре русского языка» Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. «синоним – в языкознании: слово или выражение, совпадающее или близкое по значению с другим словом, выражением, например, путь и дорога, повесить голову и понурить голову.»

В «Советском энциклопедическом словаре» – «Синонимы (от греч. *synonymos* – одноименный) – слова, различные по звучанию, но тождественные или близкие по смыслу, а также синтаксические и грамматические конструкции, совпадающие по значению. Синонимы бывают полные (языкознание – языковедение) и частичные (дорога – путь)».

Существует несколько точек зрения ученых в вопросе о самом определении синонима. Ряд исследователей рассматривают синонимы как слова, тождественные по своему значению. Только смысловое тождество (а не близость значений, как допускают некоторые) позволяет рассматривать слова как синонимы. Различная эмоциональная окрашенность тождественных по

значению слов (грубость, возвышенность или прозаичность и т.п.), разная функциональная стилистическая характеристика (разговорность, книжность, просторечность и т.п.), специфика их контекстного употребления... специфические для каждого из них формально-грамматические особенности не мешают признанию явлений синонимичными при наличии тождества значений».

Мы в нашей работе за рабочее определение принимаем следующее: лексические синонимы – это слова, принадлежащие к одной и той же части речи, близкие или тождественные по значению и по-разному звучащие: сырой – влажный, есть – кушать.

Итак, ранее мы отметили, что семантические оппозиции тождества представлены синонимами, и прежде всего это абсолютные синонимы – слова, тождественные по своим основным значениям, что проявляется в совпадении толкований этих значений в словарях, а также в том, что такие слова часто используются в словарях как взаимные определители друг друга. Например: бросать – «взмахом заставляя лететь, подать что-либо, находящееся в руке, кидать» и кидать – «взмахом заставляя лететь, подать что-либо, находящееся в руке, бросать». Такие синонимы можно назвать также номинативными, т.к. они совпадают в своих основных (или единственных) значениях. Указанная особенность абсолютных синонимов подчеркивается также в таких применяемых к ним терминах, как «внеконтекстные», «парадигматические», «системные» синонимы.

Наличие в лексической системе языка двух слов с одинаковым содержанием создает в ней известную избыточность средств, которая частично снимается при функционировании этих слов в речи. В конкретных предложениях в зависимости от конкретной сочетаемости в синонимах могут актуализироваться потенциальные семантические признаки, те «нечетко дифференцируемые, тонкие различия в еле уловимом чуть-чуть», которые обычно не отражаются в словарных толкованиях. В таких случаях синонимы теряют свойство взаимозаменяемости, что свидетельствует о том, что они

«идентичны по значению, но не по употреблению». Кроме того, в абсолютных синонимах «прослеживаются дополнительные оттенки, связанные с происхождением слов или их словообразовательными связями», имеют место грамматические различия.

Поясним эти различия на примере глаголов вынуть и извлечь, которые имеют одинаковые смысловые значения «достать объект, находящийся внутри чего-либо». Эти глаголы могут заменять друг друга в большинстве фраз: Мину извлекли (вынули) из ствола – причиной осечки оказалось... (К. Симонов); Вынул (извлек) из кармана очки, надел их на кончик носа (В. Липатов). Ограничения взаимозаменяемости наблюдаются в следующем случае: глагол извлечь «сопротивляется» замене глаголом вынуть тогда, когда объектом действия является лицо: Мы извлекли Ваську, как стручок гороха, из общей кучи (В. Смирнов). В целом сочетаемость извлечь оказывается более широкой, чем у глагола вынуть, а значение в связи с этим более обобщенным. С другой стороны, замена глагола вынуть глаголом извлечь затруднительна тогда, когда в контексте отсутствует позиция места-источника, из которого извлекается объект. Глагол вынуть очень часто употребляется без соответствующего дополнения (из чего), в то время как глагол извлечь предполагает его обязательность в контексте. Кроме того, глагол извлечь, старославянский по своему происхождению, несколько архаичен и употребляется преимущественно в текстах официально-деловых, например: Канал атомного реактора извлекают из активной зоны и переносят в хранилище (М. Колесников); либо используется для передачи легкой иронии: Решительно вскрыл конверт, извлек совсем маленькую бумагу и читал ее долго-долго (М. Алексеев). Это свидетельствует о том, что глагол извлечь обладает определенной стилистической маркированностью, что также отличает его от глагола вынуть. Абсолютные синонимы могут быть представлены не только в чисто семантических оппозициях, но и в оппозициях формально-семантического типа, тогда семантическое тождество слов сопровождается их частичным морфемным сходством. Чаще всего это однокоренные синонимы типа лебединый –

лебяжий, хвастать – хвастаться, редис – редиска и подобные. Однако одинаковыми могут быть и некорневые морфемы, например приставки: поднять – подобрать, передвигаться – перемещаться и подобные.

Пределом формально-семантических оппозиций являются фонетические и морфологические варианты слов. Они представляют чисто формальные модификации слова, выражающие одно и то же лексическое значение, например: галоши – калоши, эдак – этак, прикорнуть – прикурнуть, чтобы – чтоб, полдень – полудень (фонетические варианты) или искренный – искренний, рельс – рельса, зайчишко – зайчишка, запасный – запасной (морфологические варианты), различия которых проявляются в окончаниях.

Существование абсолютных синонимов (как и вариантов слов) противоречит принципам построения знаковых систем, тем не менее номинативные эквиваленты имеются во всех языках, в том числе и в русском. К внешним факторам можно отнести заимствования слов, в результате которого в русском языке существуют такие абсолютные синонимы, как орфография – правописание, аэроплан – самолет, лингвистика – языкознание. Очень много таких дублетных наименований в терминологии. Состав абсолютных синонимов пополняется за счет внутриязыковых ресурсов в связи с изменением значений слов в процессе развития многозначности. Глагол найти, первоначально означавший действие перемещения, стал синонимом глагола отыскать, глагол захватить – синонимом глагола овладеть. Но длительное и вполне равноправное существование абсолютных синонимов не является типичным для языка. Как правило, такая синонимия постепенно преодолевается тем или иным способом.

Первый способ преодоления абсолютной синонимии – это постепенное ограничение употребительности одного из синонимов, заканчивающееся полным выходом из его лексической системы языка. Такова судьба многих русских и старославянских слов, существовавших на определенном этапе развития русского литературного языка в виде синонимических пар: владеть –

володеть, берег – брег, город – град, ворог – враг и т.п. в современном русском языке остался только один из членов этих пар – владеть, берег, город, враг.

Второй способ преодоления абсолютной синонимии – семантическое размежевание синонимов. Оно связано с тем, что у синонимичных слов развиваются различные, специфические для каждого из них вторичные значения. Если какое-либо из вторичных значений получает широкое употребление, поддерживается производными словами, оно может стать основным. Тем самым ситуация абсолютной синонимии будет преодолена, потому что она может быть связана только с основными значениями слов. Примером этого могут быть глаголы догнать и достичь, которые раньше были абсолютно синонимичными. Но в дальнейшем в глаголе достичь развивается и укрепляется в качестве основного значения «добиться», при этом прежнее основное значение этого глагола догнать отходит на задний план и вообще становится не употребительным в рамках литературного языка. Вследствие этого указанные глаголы перестают быть синонимами.

И наконец, в качестве третьего способа устранения абсолютной синонимии возможно объединение абсолютных синонимов в одну лексическую единицу, обладающую супплетивными формами, в которых представлены основы разных слов, бывших до этого синонимами, например: человек – люди, ребенок – дети, ловить – поймать, взять – брать, говорить – сказать и т.п.

Следует сказать несколько слов о синонимическом ряде. Это объединение двух или нескольких слов, выражающих одно понятие. Объем синонимического ряда может колебаться от двух слов до нескольких десятков. В лингвистике существует понятие доминанты (опорного слова) синонимического ряда. Ею считается одно слово, которое наиболее полно выражает значение всего ряда. Например, в ряду выдержанный – невозмутимый – сдержанный – спокойный – уравновешенный – хладнокровный доминантой является слово хладнокровный. Современная лексикология отказывается от понятия доминанты, т.к. доминанта противоречит идее

синонимического ряда, отрицает синонимический ряд как ряд равноправных слов.

Принято различать синонимию идеографическую (т.е. смысловую или семантическую) от синонимии стилистической. Идеографические синонимы – слова, очень близкие, но не совсем тождественные по значению, т.е. это синонимы, различающиеся оттенками значений. Примером идеографической (или семантической) синонимии являются слова бродить – ходить – шагать – шествовать, которые называют одно и то же действие, подчеркивая разный способ его совершения; или беспокойство – волнение – тревога, т.е. слова, которые отличаются друг от друга оттенком значения:

беспокойство – отсутствие покоя, заботы, хлопоты;

волнение – отсутствие покоя, особое возбуждение;

тревога – отсутствие покоя, значительная степень беспокойства, связанная с особыми переживаниями.

Идеографические синонимы – наиболее «шаткая» разновидность синонимов. Они называют хотя и близкие, но все же разные понятия. Основная причина ошибок и неточностей при включении в ряд некоторых семантических синонимов в том, что трудно установить границы ряда, определить, насколько велико отклонение значения слова от значений других слов этого же ряда. Идеографические синонимы позволяют точнее назвать то или иное явление действительности, четче выражать мысли.

Стилистические синонимы, обозначая одно и то же явление, имеют разную сферу употребления или различную стилистическую окраску. К ним относят, например, ланиты – щеки, перст – палец, обзор – обозрение, бездна – пропасть, больной пациент и др. Так, слова ланиты, перст, обзор, бездна устаревшие, они употребляются преимущественно в поэтической речи, а слова щеки, палец, обозрение, пропасть стилистически нейтральны, они общеупотребительны.

Среди стилистических синонимов можно выделить подгруппы:

1. По сфере употребления (нейтральный – книжный – разговорный и просторечный, общеупотребительные – диалектные, профессиональные, жаргонные). Например, говорить (литературное) – гутарить (диалектное); желтуха (общеупотребительное) – гепатит (медицинское).

2. По экспрессивно-стилистической окраске (нейтральный, общеупотребительный, поэтический, народнопоэтический, просторечный).

3. По степени активности употребления (активные, устаревшие, новые). Например, министр – нарком, глаза – очи.

Некоторые синонимы отличаются и оттенками в значении, и стилистической окраской. Например, слова будущий, грядущий, наступающий, предстоящий, следующий объединены в синонимический ряд, потому что все обозначают «то, что должно произойти». Однако почти каждое из них имеет свой оттенок значения: слова будущий, грядущий не указывают на срок того, что должно произойти: слово предстоящий указывает на ближайший срок; наступающий – на то, что уже начинается, а слов следующий – на порядок следования, на очередность. Кроме того, эти слова отличаются и стилистической окраской: слово грядущий – книжное, употребляется в высоком, торжественном стиле речи; предстоящий – чаще других используется в речи деловой; будущий, наступающий, следующий – более нейтральны по своей окраске, они используются во всех стилях речи.

Такие слова называют семантико-стилистическими синонимами.

Некоторые синонимы, образующие ряд, различаются сочетаемостью с разными словами. Так, слова карий и коричневый обозначают один и тот цвет, причем прилагательное коричневый сочетается со многими существительными, слово карий вступает в сочетание со словом глаза.

Синонимы могут быть постоянными или временными. Слова и фразеологизмы, которые только в данном контексте, только временно выступают как синонимы, называются контекстуальными (или функционально-речевыми синонимами). Такие синонимы, как правило, экспрессивно окрашены, т.к. основная их задача не назвать явление, а охарактеризовать его.

Например, очень богат контекстуальными синонимами глагол говорить (сказать): Марья Кирилловна «сыпала» про близких свои вопросы, он молчал. (В.Шишков)

Существует общепринятое положение о том, что слова, выражающие видовые и родовые соотношения одного понятия, не являются синонимами.

Рассмотрение в качестве синонимов слов видовой и родовой соотнесенности является типичной ошибкой при выделении синонимического ряда или рядов одного понятия. Это смешение обусловлено действием следующих факторов:

1) наличием общего смыслового признака объединяющего слова в синонимическую группу или в родовидовую категорию;

2) действием предикативных отношений в условиях определенного контекста, между словами-синонимами, а также между родо-видовыми обозначениями.

Существуют и отличительные признаки, которые позволяют отграничивать синонимы от слов, обозначающих род. Так, особенностью предикативных связей между синонимами является их обратимость, взаимозаменяемость, поэтому каждый член синонимической пары (ряда) может быть и подлежащим и сказуемым. Напротив, обозначения рода и вида выражают необратимые предикативные отношения, кроме того, названия видовых понятий не могут войти в синонимические связи между собой, а значит, «и с родовым понятием».

Действительно, сопоставление слов агрессия и война показывает их предикативную необратимость. Суждения всякая война есть агрессия и всякая агрессия есть война могут быть признаны или недостоверными или нуждаются в дополнительном уточнении смысла.

В то же время суждения всякая интервенция есть нападение и всякая агрессия есть нападение могут быть признаны достоверными обратимыми, хотя предикаты обоих суждений нуждаются в уточнении содержания,

конкретизации его, т.к. обладают широким значением. Агрессия – военное нападение. Военное нападение – агрессия. Откуда: агрессия – нападение.

Потребность в уточнении понятий для достоверности приведенных суждений указывает на необходимость соотносить эти понятия с конкретными условиями ситуационного контекста, в который «до известной степени включены целые разделы личной биографии и истории культуры, при взаимодействии прошлого, настоящего и будущего».

Следует также вспомнить по этому поводу слова Ст.Ульмана: «Только в контексте, речевом или ином, потенциальные элементы значения актуализируются и приобретают определенность, характерную для конкретной ситуации» .

Взятые вне контекста и сопоставляемые по своим лексическим значениям видовые и родовые слова, безусловно не будут синонимами, поскольку объемы их понятийных содержаний относятся как целое к части, например: фрукты – яблоки, груши. Но в контексте слова фрукты и яблоки могут быть синонимами: «Мама принесла домой яблоки. Дочка помыла фрукты и разложила сушиться». Таким образом, слова, выражающие родовые и видовые соотношения одного понятия, в контексте могут быть синонимами – контекстуальными.

Существуют также фразеологические синонимы. Они, как и лексические, представляют собой единство тождества и различия. Тождество обнаруживается в способности фразеологизмов обозначать одно и то же понятие; различие – в способности уточнять смысловые оттенки понятия и выражать стилистические различия.

Несмотря на сходство с лексической синонимией, явление фразеологической синонимии – более сложное. Синонимия – явление семантическое, поэтому при выявлении синонимичных отношений определяется, прежде всего, сколько понятий обозначается одним рядом синонимических единиц. Фразеологическая синонимия – это синонимия структурно-семантическая. Специфичность этого явления предопределена структурной разделительностью фразеологизма при слитности его значения.

Понятие фразеологических синонимов сформулировано в работах Н. М. Шанского, В. П. Жукова, А. М. Чепасовой. Мы будем придерживаться определения А. М. Чепасовой: «Фразеологическая синонимия – это два (или больше) фразеологизма, обозначающих одно понятие, принадлежащих к одному классу, одной субкатегории и группе и отличающихся друг от друга семантически или стилистически».

Для выявления синонимических отношений необходим также анализ сочетаемости фразеологизмов, «в которой обнаруживаются семантические и стилистические различия синонимичных фразеологизмов».

Немаловажную роль при выделении фразеологизмов-синонимов отводят признаку взаимозаменяемости, хотя и не считают его «основным» критерием (наряду с семантической близостью) определения синонимичности единиц.

На лексическом материале эта проблема рассматривалась в работах Л. А. Булаховского, В. А. Звегинцева и др. Взаимозаменяемыми и, следовательно, синонимичными могут быть признаны лишь те словарные единицы, которые в совпадающем значении употребляются, по крайней мере, в одной общей конструкции и имеют частично совпадающую сочетаемость.

Фразеологизмы способны вступать в синонимические отношения друг с другом (внутренняя синонимия) и со словами (внешняя синонимия).

Фразеологизмы-синонимы могут, как и лексические синонимы, образовывать синонимический ряд, которым называется «объединение из двух (или более) фразеологизмов, обозначающих одно понятие, относящихся к одному классу и различающихся между собой семантически или стилистически».

Охарактеризуем некоторые фразеологические синонимические ряды. Так, ряд фразеологизмов намылить голову (шею) (кому), накрутить хвост (кому), снимать (снять) стружку (с кого) состоит из трех единиц, обозначает понятие «сильно ругать, отругать» (кого), единицы все процессуальные, все относятся к одной группе отрицательного речевого воздействия.

Еще ряд: наломать дров, перегибать/перегнуть палку, хватить через край обозначает понятие ошибаться/ошибиться в сложном деле.

Синонимические ряды образуют фразеологизмы:

1) в (одну) минуту, в (одну) секунду, в (один, единый) миг, в (одно) мгновение, в мгновение ока – очень быстро, сразу; характеризует деятельность человека;

2) во весь опор во все лопатки, во всю прыть, во весь карьер, во весь мах – очень быстро – характеризует движение.

Синонимы первого ряда различаются степенью проявления признака; некоторые компоненты звучат по-разному; имеют разное происхождение; стилистически однородны – все общеупотребительные; синонимы второго ряда не различаются семантически, есть различие в происхождении компонентов – исконные – опор, мах, лопатки, прыть и иноязычный карьер.

Различают одноструктурные и разноструктурные фразеологические синонимические ряды.

Одноструктурные – это ряды, состоящие из единиц одинаковых моделей:

1) что есть духу, что есть мочи, что есть силы – сильно;

2) не стоить медного гроша, не стоить выеденного яйца – быть плохим в (каком) отношении;

3) гнуть в дугу (кого), гнуть в три погибели (кого), гнуть в бараний рог (кого) – заставлять (кого) долго выполнять тяжелую работу;

4) сесть в г(к)алошу, сесть в лужу – оскандалиться.

В каждом ряду, состоящем из единиц одной модели, есть еще один (два) общий компонент, соответственно в 1 ряду – что есть, во 2 – не стоить, в 3 – гнуть, в 4 – сесть.

Разноструктурные – ряды, состоящие из единиц, которые построены по разным моделям:

1) не хватит пороху, кишка тонка, слаб в коленках, мало каши ел – бессилён, не способен что-либо предпринять;

2) на носу, у ворот, не за горами – скоро;

- 3) ни свет ни заря, чуть (чем) свет, до первых петухов – очень рано;
- 4) так себе, ни рыба ни мясо – неопределенный.

У приведенных синонимичных фразеологизмов разные модели и внутри моделей разные компоненты.

До сих пор речь шла о том, что фразеологизмы синонимичны друг другу. Это внутренняя синонимия. Но они могут быть синонимичны и отдельным словам. Такими синонимами становятся не все слова, а лишь те, при помощи которых передается значение фразеологизма. Такая синонимия фразеологизмов называется внешней синонимией. Примеры внешней синонимии: первый шаг – начало, сам не свой – взволнован, совать нос – вмешиваться и др.

Фразеологизмы могут образовывать смешанные лексико-фразеологические синонимические ряды. В таких случаях понятие характеризуется особенно глубоко и полно: искренне (с чувством, исполненным искренности, откровенности) чистосердечно, от (всей) души, от всего (или чистого) сердца, положи руку на сердце, с открытым (или чистым) сердцем, с открытой (или чистой) душой.

Из двух видов синонимии – внешней и внутренней – первая распространена намного шире, чем вторая, потому что, если не каждый фразеологизм имеет синонимичный себе другой фразеологизм, то значение почти каждого фразеологизма должно быть передано отдельным словом или словом с зависящими словами, которые в свою очередь не могут быть ни чем иным как синонимом к данному фразеологизму. Вот почему можно сказать, что почти 100 % фразеологизмов охвачены синонимическими отношениями.

Впервые проблему синонимии фразеологических единиц и слов рассматривал В. В. Виноградов. Вопрос о соотношении значения слова и значения фразеологизма решается в отечественном языкознании неоднозначно. А. И. Смирницкий считает, что ФЕ эквивалентна слову и не вносит, по сравнению с последним, ничего нового в обозначаемое понятие.

В работе А. М. Эмировой утверждается, что фразеологизм и слово – единицы разных уровней, поэтому «следует говорить скорее не об их

эквивалентности, а только о соотносительности». А.М.Чепасова критикует положение об эквивалентности фразеологизмов слову, на материале именных ФЕ доказывает, что «подавляющее большинство единиц имеет также значение, которое невозможно передать одним словом, такая передача оказывается неполной»

Объективным считается мнение о соотносительности ФЕ и слова, а не об их эквивалентности. В понятии, выражаемом фразеологизмом, содержится несколько фразеологических признаков, которые актуализируются в языковых текстах. И концепция семантической соотносительности фразеологизма и слова наиболее полно выражает сущность семантических отношений между этими двумя типами номинативных единиц. Таким образом, слово, которому передается значение ФЕ, выступает относительным синонимом, имеющим тоже категориальное значение, принадлежащим той же субкатегории и группе, что и фразеологизм.

Явление синонимии в русском языке является одним из важнейших средств обогащения и развития речи младших школьников.

Развитие речи у ребенка есть процесс овладения родным языком, умение им пользоваться.

В дошкольном возрасте, отчасти и в школьном, язык усваивается стихийно, в общении, в речевой деятельности. Но этого недостаточно: стихийно усвоенная речь примитивна и не всегда правильна. Некоторые очень важные стороны языка стихийно усвоены быть не могут и поэтому находятся в ведении школы.

Это, во-первых, усвоение литературного языка, во-вторых, овладение чтением и письмом, и в-третьих, доведение речевых умений детей до определенного минимума, ниже которого не должен остаться ни один учащийся, это совершенствование речи, повышение ее культуры, всех ее выразительных возможностей.

Слово и фразеологизм – важнейшие единицы языка. Словами, их сочетаниями, фразеологизмами обозначаются конкретные предметы и

отвлеченные понятия, выражаются эмоции. Слово и фразеологизм выполняют коммуникативную функцию, т.е. служат средством общения и сообщения; эстетическую функцию, т.е. служат средством художественной выразительности. Основная функция слова и фразеологизма – номинативная. Чем богаче словарь человека, тем, следовательно, у него шире возможности выбора и более точного, более оригинального и выразительного оформления мысли. «Поэтому объем словаря, его разнообразие, его готовность и подвижность рассматриваются в методике как основное условие успешного развития речи».

Современный русский язык располагает огромным словарным запасом. В словаре С.И.Ожегова содержится 57 тысяч слов, В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» – около 130 тысяч слов. Это общеупотребительная лексика, в названные словари не вошли сотни тысяч профессиональных слов и научных терминов, названия географических объектов, исторических фактов, многие сотни тысяч фамилий, кличек, прозвищ.

Существует много фразеологических словарей – это сборники устойчивых словосочетаний. Отметим следующие фразеологические словари:

Михельсон М.И. «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» в 2 т., Максимов С.В. «Крылатые слова», Ашукины Н.С. и М.Г. «Крылатые слова», «Фразеологический словарь русского языка под редакцией Молоткова А.И. Существуют также синонимические словари: Александрова З.Е. «Словарь синонимов русского языка « и др.

Словарный запас младших школьников, к сожалению, продолжает оставаться ограниченным. Конечно, учащиеся начальной школы не могут проводить самостоятельную языковую работу, поэтому на протяжении всего курса русского языка в школе большое значение придается словарной работе.

Методика словарной работы в начальной школе предусматривает 4 основные линии:

1. Обогащение словаря, т.е. усвоение учащимися новых, ранее неизвестных слов и фразеологизмов, а также значений тех слов и фразеологизмов, которые уже имелись в их словарном запасе. С целью обогащения словаря можно использовать задание следующего характера:

узнавание в тексте слов и фразеологизмов (незнакомых, по данной теме и т.д.);

подбор к данному слову или фразеологизму, синонимов и нахождение их в тексте, выяснение сходства и различия в значениях;

употребление речевых оборотов с данными словами и фразеологизмами;

работа с пословицами и поговорками;

работа со словарями;

работа над многозначностью слов и фразеологизмов (например, при подборе синонимов: свежая рубашка – свежий хлеб – свежая газета).

Указанные задания должны быть комплексными, чтобы заставить ребенка одновременно видеть, думать, сопоставлять, рассуждать. []

2. Уточнение словаря, т.е. словарно-стилистическая работа, развитие гибкости словаря, его точности и выразительности.

3. Очищение словаря, т.е. устранение из активного словаря учащихся диалектных, просторечных, жаргонных слов, которые дети усваивают под влиянием окружающей среды. [] Если на уроках встречаются такие слова, учителю необходимо проработать их с детьми, выяснить их значение, подобрать соответствующий современный синоним и дать детям установку на употребление именно этого слова-синонима, обосновав данный выбор.

4. Активизация словаря. Слово может быть усвоено активно и пассивно: активное усвоение предполагает употребление слова учеником в нужных ситуациях, пассивное – лишь понимание этого слова, без его употребления. Активизация словаря – это употребление новых слов, выражений, фразеологических единиц в собственной, самостоятельной речи школьников: в

беседах, в составленных по заданию учителя предложениях, в пересказах, рассказах, письменных изложениях и сочинениях.

Цель словарной работы состоит и в том, чтобы активизировать (т.е. перенести из пассивного в активный словарь) как можно большее количество слов, научить детей использовать их правильно, в точном значении, уместно научить выбирать нужное слово из синонимического ряда, научить сочетаемости слов.

Активизация словаря – одна из важнейших линий словарной работы на уроках русского языка. Следовательно, учитель предусматривает специальные задания по активизации, требующей систематической, ежеурочной опоры на читаемые тексты, на наблюдения, на те слова, с которыми уже проводилась работа по углублению их понимания, по уточнению значения.

Все четыре направления тесно связаны между собой.

Основные источники совершенствования словаря – это произведения художественной литературы, тексты учебных книг, речь учителя, родителей и т.д. Полезным пособием для словарной работы могут быть словари. Для начальной школы созданы и широко используются: «Орфографический словарь» Грушникова П.А., «Толковый словарь русского языка» Неусыповой Н.М., «Словарик синонимов» и «Словарик антонимов» М.Р.Львова.

М.Р.Львов выделяет следующие формы активизации словаря:

1. Составление словосочетания с нужным словом или фразеологизмом, например, в первом классе встречается слово хлопья (Снег повалил хлопьями).

Учитель спрашивает: «Какими хлопьями?» (Большими хлопьями, белыми хлопьями). «О чем можно сказать: «хлопья»? «Хлопья чего?» (Хлопья снега). Как же говорят, когда идет крупный, тихий, неторопливый снег?» (Говорят: «Снег повалил хлопьями»)

Как видим, здесь учащиеся употребили два словосочетания со словом «хлопья»: прилаг. + сущ., сущ. + сущ. Такая работа не только активизирует лексику, но и углубляет понимание значений слов, поэтому активизация словаря сливается с работой по уточнению значений слов, их сочетаемости.

2. Составление предложений с заданными словами или фразеологизмами.

Учащимся можно предложить следующие задания: составьте предложения с фразеологизмами медвежья услуга, золотой характер, или со словом коллектив, со словосочетанием яростно завыл (ветер), со словом улыбнулся, затем со словами усмехнулся, ухмыльнулся (синонимическая группа). Ребята составляют следующие предложения: Весь коллектив дружно работает. У моей мамы золотой характер.

Улыбнулся, усмехнулся, ухмыльнулся – синонимы, обладающие не только смысловыми, но и эмоциональными оттенками. Чтобы передать эти оттенки, предложение должно быть достаточно полным, распространенным, а иногда требуется текст, состоящий из нескольких предложений. Дети не всегда это понимают и приводят такие примеры: Мальчик улыбнулся. Мальчик усмехнулся. Мальчик ухмыльнулся. В этих примерах ни смысловые, ни эмоциональные оттенки не выявляются. Поэтому удобнее связывать составление предложений с прочитанными рассказами, например: «Офицер самодовольно ухмыльнулся. Оказывается, за деньги можно купить что угодно». «Матвей усмехнулся ему (офицеру) в лицо и сказал: «хотел купить старого Матвея?» «Мальчик приветливо улыбнулся».

Активизация слов способом включения их в составляемые предложения осуществляется почти на каждом уроке русского языка.

3. Близкий к тексту пересказ с использованием важнейшей лексики оригинала.

Пересказ, с одной стороны, должен быть самостоятельным, иначе он превратится в механическое зазубривание, с другой же стороны, пересказ помогает активизировать и обогащать лексику, следовательно, в нем должны использоваться слова и сочетания, употребленные автором. Формы пересказа могут быть следующими: выборочный, сжатый, творческий.

Что же касается второй задачи, то учитель, готовясь к урокам, отмечает те слова и обороты речи, воспроизведение которых он будет требовать от детей. В ходе беседы на эти слова и сочетания обращается повышенное внимание.

4. Рассказы по наблюдениям с использованием так называемых опорных слов. Дети пишут сочинения по опорным словам, словосочетаниям, фразеологизмам, выполняют и другие задания, суть которых сводится к включению в составляемые тексты тех слов и фразеологизмов, которые заданы учителем.

В методической литературе обычно принято говорить о том, что задача учителя – расширять, обогащать словарный запас детей, учить их пользоваться словом. С. Л. Соловейчик дополняет эту задачу: «Мы можем лишь помочь ребенку расширить и активизировать его словарь, а для этого он должен сам замечать незнакомые слова и предпринимать усилия для выяснения их значений, отмечать понравившиеся ему выражения, стремиться к улучшению собственного текста и т.д. Только при интересе к языку, при общем эмоционально-положительном отношении к работе над словом можно рассчитывать на то, эта работа существенно повлияет на качество речи ребенка.»

Таким образом, еще одной задачей учителя является воспитание у ребенка внимательного отношения к слову как при восприятии текстов, так и при создании собственных высказываний.

Хорошо известно, что основными требованиями, применяемыми к использованию языка, являются:

1. Правильность, т.е. использование в том значении, которое закреплено за ним в языке. Учитель может прочитать классу предложения детей, например, писавших сочинение в первом классе, с речевыми ошибками и предложить детям исправить их. Например: Самыми пугливыми животными считаются пугливые зайцы и пугливые серны. Здесь детям необходимо будет подобрать синонимы к слову пугливый – робкий, трусливый. Известно, что чужие ошибки обнаруживать и исправлять легче и приятнее, чем свои, но устраняя чужие, невольно учишься избегать собственных. Так называемая педагогическая позиция, в которую попадают школьники, объясняя, чего не знали, не понимали ребята, допустившие ошибки, позволяет им не только более уверенно

почувствовать себя в работе со словом и фразеологизмом, но и, действительно, обогатить свой опыт.

Помогая детям накапливать опыт грамотной лексической сочетаемости слов, обязательно важно иметь в виду те случаи многозначности, когда каждое из значений имеет свои ряды синонимов. Возможные задания:

Выберите из ряда синонимов те, которые могут сочетаться с каждым из слов.

день | хмурый, пасмурный, день | холодный, студеный,
человек | непогожий, ненастный. ветер | морозный, ледяной.

2. Точность.

3. Выразительность.

В работе над точностью и выразительностью нужно показывать не только погрешности (хотя и они очень полезны), но и образцы удачного употребления слова или фразеологизма. В любом хорошем тексте, для какой бы цели он не предназначался – для орфографически правильного списывания, для грамматической работы – нужно стараться найти слова и фразеологизмы, над точным, мастерским употреблением которых полезно было бы с детьми наблюдать.

К числу наиболее эффективных приемов, используемых для этой цели относят так называемый лингвистический эксперимент. В образцовом тексте слова, к которым хотим привлечь внимание детей, с помощью учителя «портятся»: заменяются, убираются. Учащимся предлагается сравнить, в каком случае мы, читатели, лучше видим (слышим, представляем) то, о чем пишет автор. Таким образом, испорченный вариант оказывается тем фоном, на котором ярче играет авторское слово. Вот один пример. Хорошо известна, часто используется для речевой работы зарисовка Н.Сладкова: Все лето листья подставляли солнцу свои ладошки и щечки, спинки и животики. И до того налились и пропитались солнцем, что к осени стали, как солнышки – багряными и золотыми. Налились, отяжелели и потекли. Зашумел в лесу золотой дождь.

Покажем, как можно привлечь внимание к точному выбору двух глаголов.

– Я сейчас перечитаю два последних предложения, – говорит учитель, – а вы закройте глаза и постарайтесь представить себе картину, которую нарисовал писатель. Вам не кажется, что здесь есть слова, которые автор употребил неудачно? Вот посмотрите: листья ...потекли. Как это? Они же не вода. Давайте попробуем заменить это слово и скажем так, как обычно говорят о листьях: налились, отяжелели и ...стали опадать. Сравните, в каком случае вы лучше видите, представляете себе эту картину. (Учитель еще раз произносит оба варианта). Ученики выбирают авторский, обосновывая тем, что лучше видятся падающие листья. («Сразу видишь, что их много падает, они, как дождик»). Учитель соглашается и предлагает таким же способом проверить еще одно слово: зашумел заменить на пошел. Эксперимент повторяется.

Прием лингвистического эксперимента помогает детям самим проверить выбор слова, убедиться в его точности, выразительности. Так, «экспериментируя» со словами, мы помогаем школьникам постигать тайны употребления слова, учиться замечать мастерски найденные слова и пытаться находить свои.

Такая работа обеспечивает желаемый результат – обогащение словарного запаса школьника, воспитание внимания и интереса к слову, а вслед за этим и умение им пользоваться.

К сожалению, учащиеся начальных классов мыслят конкретно: многие отвлеченные слова и понятия они употребляют, зачастую совсем не понимая их значения. Поэтому работа по развитию речи младших школьников предполагает введение в их словарный запас не только слов с отвлеченными понятиями и с различными смысловыми оттенками, но и фразеологических сочетаний.

Фразеологизмы составляют народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство. Знакомство с русской фразеологией помогает понять историю и характер русского народа,

т.к. многие фразеологизмы по своему происхождению связаны с событиями прошлого.

Практическое усвоение фразеологизмов, осмысленное употребление устойчивых сочетаний в своей речи требует от учителя начальных классов проведение таких упражнений, которые способствуют развитию умственной деятельности, самостоятельности, активизации словаря учащихся и вырабатывают умения находить фразеологизмы в текстах, объяснять их значение, составлять свои предложения с использованием устойчивых сочетаний, вписывать в предложения фразеологизмы по указанию учителя, подчеркивать в текстах устойчивые сочетания, записывать под диктовку тексты с устойчивыми сочетаниями и т.д.[]

При работе над ФЕ в начальной школе возникает ряд задач:

1. Показать сочетаемость слов в выражениях, смысл которых легко раскрывается; для младших школьников не составляет труда их объяснить. Большую роль здесь должны сыграть пробуждение активной мысли и дальнейшая языковая работа учеников. Опираясь на контекст, дети сами легко объясняют смысл и значение некоторых фразеологических единиц. Здесь учитель умело руководит ходом работы: в случае затруднения верно поправит, даст наводящий вопрос, вызовет соревнование учащихся, потребует четкого и выразительного произнесения фразеологизмов. Работа проходит живо и увлекательно. Например, вертеться под ногами – 'будучи рядом, поблизости, мешать своим присутствием, что-либо делать, отвлекать от дела', как ни верти (ни крути) - 'несмотря ни на что, вопреки всему'.

2. Объяснить некоторые фразеологизмы-идиомы, т.е. неразложимые по смыслу фразеологические единицы, в которых слова-компоненты непонятны для восприятия, например, бить баклуши — 'праздно проводить время, бездельничать'. Здесь учитель должен объяснить не только значение фразеологизма, но и значение непонятого слова баклуши — чурки, короткий обрубок дерева для выделки мелких деревянных изделий, например, ложек.

А для закрепления просит учащихся привести свои примеры синонимичных фразеологических единиц.

3. Провести смысловую грань между омонимичными свободными и устойчивыми словосочетаниями. Учитель должен научить учащихся начальных классов уметь разграничивать словосочетания в прямом и в переносном значении. Раскрытие функции переносного значения легче всего сделать через замену фразеологизма в тексте адекватными словами прямого, неметафорического значения: намылить голову – 'по-ругать, сделать строгий выговор', бабушкины сказки – 'неправдоподобные сведения', лить-ся через край – 'проявляться с огромной силой'.

Фразеологизмы метафористического характера представляют особую трудность для восприятия учащимися начальных классов. В этом случае перед учителем стоит важная задача – раскрыть их смысл, а иногда объяснить происхождение. Метафористические сочетания слов – это сочетания, в которых компоненты имеют переносное значение. Они помогают представить в простой, яркой, красочной и наглядной форме предметы и явления окружающей действительности. Дети узнают об особенностях этих выражений: в речи они как бы постоянно употребляются в застывшей форме. Используя в своей речи такие фразеологические обороты, мы делаем речь более образной и выразительной.

Работа по обогащению, уточнению, активизации словарного запаса учащихся фразеологическими единицами должна вестись не эпизодически, а в системе уже на ранней ступени обучения. Такую работу следует проводить от легкого к трудному. Первичное ознакомление с фразеологизмами можно организовать следующим образом. На доске рисунок Незнайки и запись: Переливать из пустого в порожнее.

Ребята, Незнайка читал рассказ и ему встретилось вот такое выражение. Он его понял так, что нужно что-то перелить из одной пустой посуды в другую, такую же пустую. А как вы понимаете это выражение? (Если дети не могут объяснить, то объясняет учитель).

В русском языке есть сочетания слов, которые нельзя разрывать, они имеют одно целостное значение. Например, нужно сказать, что мы очень рано встали. Для этого мы используем выражение чуть свет. Такое выражение называется фразеологизмом. (От учащихся не требуется запоминание этого термина, им пользуется учитель). Фразеологизмы нельзя составить самому, их нужно запоминать. Чем больше вы их будете знать, тем точнее и красочнее сможете выразить свою мысль.

Проблема усвоения фразеологизмов учащимися начальной школы на уроках русского языка не нашло еще должного решения: не разработаны принципы отбора фразеологического материала, нет выверенного списка фразеологизмов, рекомендованных для усвоения младшими школьниками, очень мало соответствующих статей и пособий.

К сожалению, программа начальной школы не предусматривает специальных уроков для работы над фразеологией как самостоятельного раздела русского языка. Вся работа сводится, в основном, к тому, что дети лишь объясняют значения отдельных встретившихся в том или ином тексте фразеологизмы, не рассматривая их семантико-грамматические признаки, особенности их употребления в речи.

Однако такая работа крайне необходима, т.к. изучение фразеологии в школе – это одно из средств повышения культуры и развития речи учащихся. Работа по фразеологии будет не только углублять знания учащихся, но и вызывать живой интерес к родному языку.

Выше было сказано, что одной из проблем, касающихся обогащения словарного запаса младшего школьника являются принципы отбора фразеологического материала, списка фразеологизмов, которые необходимо изучать в начальной школе.

М. Р. Львов рекомендует изучать в начальных классах те ФЕ, которые представляют собой общеупотребительные выражения: дремучий лес, лошадиная фамилия, золотая осень, золотой характер, медвежья услуга, красная строка, заячья душа, бабушкины сказки, собачий холод и т.д. (в приведенных

примерах порядок компонентов постоянный, модель – прилаг. + сущ., фразеологически ограниченным является имя прилагательное).

Предлагаем следующие критерии отбора фразеологического материала для начальной школы, опираясь на опыт работы в школе, а также на данные экспериментального обучения.

1. Доступность фразеологизмов пониманию детьми младшего школьного возраста.

2. Фразеологизмы должны прививать детям этические нормы, формировать мировоззрение.

3. Высокая употребительность фразеологизмов в различных жизненных ситуациях (частотность употребления).

4. Учет сферы их употребления (не вводить фразеологизмы из жаргонной речи, исторической и публицистической литературы и др.)

5. Соответствие фонетических, лексических, синтаксических особенностей фразеологизмов тому грамматическому материалу, который изучается в начальной школе. Например, при изучении темы «Творительный падеж имен существительных первого склонения» можно предложить для усвоения фразеологизм рукой подать.

6. Возраст учащихся. (Во втором классе количество рассматриваемых фразеологизмов не должно превышать 2, а в четвертом – 4. В противном случае такая работа будет утомлять учащихся, а выражения не будут запоминаться.)

Следует отметить, что приведенные критерии отбора фразеологизмов требуют дальнейшей разработки с целью установления объема и качества материала, разумной последовательности и преемственности в усвоении фразеологических оборотов и выражений.

Какой фразеологизм использовать при изучении той или иной грамматической темы, решает учитель, руководствуясь выше указанным принципам и ориентируясь на уровень развития учащихся своего класса. Приемы могут быть очень разнообразными. Это может быть описательная работа на уроках русского языка. Работа по усвоению фразеологизмов может

проводиться и в неурочное время: в группе продленного дня, во время различных внеклассных мероприятий. Они имеют значительные преимущества перед уроками, поскольку допускают свободу в выборе методов и приемов организации деятельности детей. Работа будет эффективнее и интереснее, если учитель будет использовать материалы уроков чтения, изобразительного искусства, иностранного языка. []

Наиболее эффективный прием ознакомления с фразеологизмом – это осознание его значения в контексте. Например, прочитайте стихотворение, объясните смысл выделенных выражений.

Дружнее этих двух ребят Ежатки – детки хоть куда,
На свете не найдешь. И что же тут дивиться?
О них обычно говорят: Ведь мама держит их всегда
Водой не разольешь. В ежовых рукавицах.

Особый интерес у учащихся вызывают упражнения, в которых осознанию смысла фразеологизма помогает рисунок.

Первый тип таких упражнений: фразеологизм соотносится с рисунком, отражающим прямое значение сочетания слов. Например, прочитайте выражения и рассмотрите рисунки. В каких случаях рисунок соответствует выражению? Докажите (см. приложение).

Второй тип упражнений: учащиеся на основе данного слова и рисунка «создают» фразеологизм, а затем выясняют его значение. Например, составьте по данным словам и рисунку два выражения, объясните их смысл. Составьте с этими выражениями предложения (или диалог).

вешать → рис. носить на → рис. рука об → рис.

задирать → носа сложа → рук на скорую → руки

Если дети не смогут самостоятельно справиться с заданием, учитель начинает предложение, а учащиеся дополняют его соответствующим выражением.

Чтобы усвоение фразеологизмов не ограничилось только ознакомлением с их значением, необходима систематическая речевая деятельность,

направленная на употребление этих выражений на уровне словосочетания, предложения, текста.

Наиболее распространенными фразеологическими упражнениями являются те, которые связаны с уточнением лексического и грамматического значения выражений. Задания могут быть следующего характера: к данным выражениям подберите синонимы из колонки справа; к выражениям в левой колонке подберите антонимы/синонимы из колонки справа; замените выражения словами, которые отвечают на вопрос как?: капля в море (мало), в темпе (быстро); замените выражения близкими по смыслу глаголами: болеть душой (волноваться), попасть в точку (угодить).

Программой по русскому языку предусмотрено развитие навыков диалогической речи. Чтобы оживить работу по построению диалога, можно использовать фразеологизмы. Например, как вы понимаете выражения как две капли воды, на седьмом небе? Закончите диалог одним из выражений.

- Что ты подарил своему другу на день рождения?

- Щенка.

- И как он его принял?

- Он ...

- Мама, как тебе нравится мой новый друг?

- Ничего.

- Правда он похож на своего папу?

- ...

Более сложной формой организации работы по обучению построения диалога с использованием фразеологизмов могут быть упражнения такого типа:

Дополните предложения так, чтобы был понятен смысл выражений:

1. У меня язык не поворачивается... (рассказать, что ты сегодня сделал).

2. Сегодня Нина готова была сквозь землю провалиться... (она не выполнила свое обещание).

3. Он сгорал от стыда:... (в классе узнали, что он сказал неправду).

Фразеологические единицы можно считать усвоенными в том случае, когда ученик свободно употребляет их в речи.

Безусловно, работа над фразеологией должна вестись совместно и со словарной работой на уроках русского языка. Очень полезно составлять словарь, в который дети записывают усвоенные ими фразеологизмы. Целесообразно вносить в словарь ФЕ, компонентами которых являются изученные части речи. Такая работа способствует лучшему усвоению и закреплению пройденных частей речи. Работая над фразеологизмами, необходимо указывать учащимся на те глаголы, которые наиболее часто образуют фразеологические сочетания. Например:

вертеть – вертеть хвостом, вертеться как белка в колесе, вертеться на глазах, вертеться под ногами, вертеться на языке, как ни вертись;

войти – войти в голову, войти в доверие, войти в историю, войти в положение;

держать – держать в курсе, держать в уме, держать язык за зубами, держать себя в руках, держать ухо востро;

встать – встать горой, встать на пути, встать перед глазами, встать на дыбы;

взять – взять быка за рога, взять в толк, взять на буксир;

дать – дать волю, дать голову на отсечение, дать дорогу, дать себе отчет, дать задний ход.

Имена существительные, наиболее часто встречающиеся во фразеологических сочетаниях:

рука – валиться из рук, рука об руку, из рук в руки, как без рук, из первых рук;

путь – по пути, сбиваться с пути, наставлять на путь, прокладывать путь;

голова – буйная голова, голова не варит, голова идет кругом, голова соломой набита, голова на плечах, на свежую голову;

глаза – не сводить глаз, не упускать из глаз, с глазу на глаз, открывать глаза;

мир – мир тесен, перевернуть весь мир, не от мира сего, всем миром, идти по миру.

Записывая в словари ФЕ с именами прилагательными, учитель должен объяснить учащимся, что бывают фразеологизмы, которые часто встречаются в обычной литературе и разговорной речи. Например: красная строка, зеленая улица, медвежья услуга, с чужого плеча, черный день, длинный язык, золотая середина, золотые руки и т.д.

В связи с изучением различных школьных дисциплин учащимися будут запоминаться фразеологические термины, относящиеся к грамматике (имя существительное, имя прилагательное, мягкий знак, твердый знак, родственные слова и др.), к математике (прямой угол, таблица умножения, обратный счет, однозначное число), к природоведению (живая и неживая природа, травянистые растения, перелетные птицы, снежный покров и др.).

Для проведения словарно-фразеологической работы учитель может использовать те фразеологические сочетания, которые встречаются не только в школьных учебниках, но широко распространены в разговорной речи.

Следующим этапом словарной работы над ФЕ может быть подбор фразеологизмов-синонимов. Этот вид работы целесообразно применять тогда, учащиеся встречаются с незнакомым фразеологизмом. При этом учитель делает краткие замечания об оттенках значений и особенностях употребления этих фразеологизмов. Таким образом, учащиеся знакомятся с новым фразеологизмом, уточняют его значение, выясняют разницу между сходными выражениями и особенностями их употребления и т.д. важность такой работы заключается в том, что одно понятие раскрывается через ряд других. Такое толкование понятий способствует четкому и глубокому усвоению ФЕ. Примеры фразеологизмов-синонимов: взять себя в руки - овладеть собой - переломить себя (разг.);

витать в облаках (ирон.) – строить воздушные замки;

в оба глаза - во все глаза (разг.);

мухи не обидит – тише воды и ниже травы (разг.);

время от времени – от случая к случаю (разг.);

лицом к лицу – носом к носу (разг.);

намотать себе на ус – завязать на память узелок (разг.);

на скорую руку – на живую нитку (разг.).

В конце учебного года целесообразно провести утренник, КВН, викторину, связанные с изучением фразеологии русского языка. Таким образом, вся система работы над фразеологией в начальных классах поможет обогатить активный фразеологический запас учащихся, поднять на новую ступень культуру речи, научить практически использовать богатство русской фразеологии, привить любовь к родному языку.

Работу по усвоению синонимического материала в 1-2 классах условно можно разделить на три этапа.

I этап – ознакомление с явлением синонимии. Знакомству со словами, близкими по значению, должна предшествовать пропедевтическая работа. Провести ее можно следующим образом: учащиеся записывают в тетрадях 2-3 слова, подобранных учителем в соответствии с содержанием упражнений урока (но такое соответствие необязательно), затем – беседа о значениях слов. Например, храбрый, смелый, мужественный.

Смелый – (говорят о человеке) не поддающийся чувству страха, умеющий преодолеть его.

Слово храбрый обычно характеризует человека активно смелого, не боящегося опасности, идущего навстречу ей.

Мужественный – не теряющий присутствия духа перед лицом опасности.

А какие еще слова, как вы думаете, можно еще использовать, говоря о человеке, не испытывающем страха? (Бесстрашный – не знающий страха, чрезвычайно смелый; неустрашимый – такой, которого ничто не утратит; отважный – очень смелый, готовый к поступкам, требующим бесстрашия, мужества, слово имеет несколько приподнятый характер.)

Предложенные слова учитель записывает на доске.

- Можно ли еще что-нибудь характеризовать этими словами, кроме человека? (внешний вид, лицо, голос, характер и т.п., выражающих смелость, храбрость.)

На этом этапе необходимо больше использовать наглядного материала, каких-либо занимательных картинок, активизировать фантазию учащихся.

II этап – овладение навыками работы с синонимами, их закрепление. Очень эффективны такие формы работы, как карточки, индивидуальные упражнения и задания, словарная работа и работа с «Толковым словарем», «Словарем синонимов». (См. приложение).

III этап – закрепление. Цель этого этапа – узнать, насколько хорошо учащиеся умеют подбирать слова, близкие по смыслу, составлять с ними предложения, работать с ними в тексте, насколько часто школьниками употребляются синонимы в устной и письменной речи. На этом этапе возможно проведение контрольных работ, игровых заседаний знатоков русского языка и т.д., цель которых – привлечь внимание детей к словам, близким по значению, научить школьников понимать оттенки значений в предложениях и контекстах, создать определенный запас слов-синонимов в речи учащихся.

В школьной практике используются различные приемы развития речи. При работе над синонимами в тексте рекомендуем использовать следующие приемы развития речи:

- словесное рисование;
- лингвистический эксперимент;
- составление диафильма (Представьте, что вы снимаете по данному тексту диафильм. Какие картины (кадры) вы бы на них нарисовали (сняли)?);
- сравнение предложений в авторском варианте и в измененном;
- работа со словарем синонимов (проверка точности ответов);
- знакомство с контекстуальными синонимами;
- чтение текстов с пропусками синонимов (нет гаммы чувств и настроений);
- пересказ, близкий к тексту, после разбора синонимов.

В начальных классах не дается никаких теоретических сведений о синонимах. Система практических упражнений по синонимам складывается из следующих элементов:

- а) обнаружение в читаемых текстах слов, близких по значению, объяснение значений и оттенков этих слов;
- б) подбор близких по значению слов к данному, объяснение различий в значениях этих слов;
- в) упражнения на употребление синонимов в речи.

Основное назначение упражнений над синонимами должно состоять в том, чтобы обеспечить успешное формирование следующих умений:

- 1) различать в речи близкие по смыслу слова;
- 2) подбирать к данным словам их синонимы;
- 3) заменять в тексте то или иное слово соответствующим синонимом;
- 4) самостоятельно употребить в данном учителем тексте подходящее по смыслу синонимическое слово;
- 5) самостоятельно выбрать из своего словарного запаса наиболее подходящий синоним для выражения собственной мысли;
- б) синонимические замены в собственных изложениях и сочинениях.

Основное назначение упражнений должно состоять в том, чтобы обеспечить успешное формирование каждого из названных выше умений порознь и в совокупности и тем самым повысить уровень речевой культуры учащихся.

Приведем основные типы упражнений с синонимами, которые применяются на уроках русского языка в начальных классах.

I. Выбор и группировка слов, близких по значению.

1. В целях выработки у школьников умения различать в речи слова, близкие по значению, целесообразно давать учащимся задания на выделение из небольших и доступных по содержанию текстов слов-синонимов. Подобное упражнение может быть проведено, например, при изучении имени прилагательного на таком тексте:

Кто хоть раз был в пионерск.. лагерь. Артек, тот долго будет помнить и крут.. склон высоких гор, покрытых кудряв... лесами, и отвесн.. скалы, куда свободно залетают только горн.. птицы, и обрывист.. берега тепл... лазурн... моря.

Задания: спиши, подчеркни слова, близкие по смыслу к прилагательному крутые; устно ответь на вопросы: каким словом можно назвать лучи солнца в полдень? (крутые, отвесные). А как их можно назвать вечером? (наклонные, косые).

2. Понимание синонимических отношений между словами, их смысловой близости помогут упражнения аналитико-синтетического характера, состоящие в выделении и распределении синонимов по группам: выпиши столбиками слова, близкие по значению: интересный, занимательный, потемки, тетрадь, правила, забавный, сумерки, корабль, увлекательный, картофель. Какие слова оказались лишними? Почему?

3. Более сложными и трудными являются упражнения, в которых учащимся дается только список слов. Здесь дети самостоятельно должны определить, какие группы синонимов имеются в предложенном им списке и распределить слова из него по этим группам. Например, распредели слова по группам так, чтобы в каждой группе были только слова, близкие по значению: вежливый, любезный, здание, граница, рубеж, постройка, межа, строение.

4. Тем же целям осознания смысловой близости слов могут служить также разнообразные упражнения в подборе к словам их синонимов или синонимичных словосочетаний, которые ученик выбирает из предложенного ему списка, или же делает это самостоятельно. Например, данные в словосочетаниях имена прилагательные заменить прилагательными, близкими по смыслу:

бесстрашный космонавт – смелый космонавт

пасмурная погода –

правильный ответ –

занимательный рассказ –

соседняя школа –
смышленный ученик –.

II. Расположение синонимов по возрастающей или убывающей степени какого-то признака.

5. Школьникам даются группы синонимов: огромный, гигантский, большой; маленький, крохотный.

Дети составляют ряды по возрастанию размеров: крохотный – маленький; большой – огромный – гигантский.

С этими словами составляются предложения, например: В траве копошатся маленькие кузнечики, крохотные жучки, букашки. В горах то и дело встречаются большие камни, огромные глыбы, гигантские утесы.

III. Подбор синонимов к данному слову.

6. Даются слова, например, смешной, работать, метель. Дети подбирают: смешной – забавный, потешной; работать – трудиться; метель – выюга, буран, пурга. Если необходимо, то составляются с каждым из них предложения, которые помогают понять значение синонима, его оттенки.

IV. Замена синонима в предложении и тексте.

Цель такого упражнения состоит в выборе более точного, более удачного слова. Замена, выбор слова производится устно.

1. Я читал интересную книгу (увлекательную, захватывающую) 2. Пограничники стреляют метко (бьют без промаха). 3. Лиса обманула медведя (косолапого). 4. Мальчик споткнулся и упал (шлепнулся, растянулся).

Детей чрезвычайно заинтересовывает такая работа. Замена синонимов в предложении практикуется в процессе подготовки к рассказу или к письменному сочинению.

8. Функция замещения, которую синонимы могут выполнять в речи, позволяет показать учащимся, что замена в тексте одного и того же слова его синонимами устраняет ненужное повторение одинаковых слов, делает речь более разнообразной и стилистически совершенной. Таким образом, функция

замещения связана со стремлением избежать повторений одних и тех же слов.

Приведем пример подобной работы на тексте статьи «Робкий заяц».

а) составление синонимического ряда слов: робкий, пугливый, боязливый, трусливый.

- При описании какого животного можно употребить эти слова?

б) чтение записанного на доске текста:

Робкий заяц.

Нет более робкого животного, чем заяц. Даже при слабом шуме он пугается и бежит. Только поздно вечером или ночью робкий зайчишка выходит из своего убежища, а с рассветом прячется в каком-нибудь укромном уголке в лесу. Много врагов у робкого зайчика. За ним охотятся и голодный волк, и хищный ястреб, и охотник.

Вопросы учителя:

- Какой недостаток вы заметили в этом рассказе о зайце?

- Часто ли повторяется одно и тот же слово робкий?

- Что надо сделать, чтобы устранить этот недостаток?

- Надо заменить слово робкий, когда оно начинает повторяться, синонимами.

Спишите текст и замените слово робкий, где это нужно, словами, которые записаны на доске.

V. Выбор одного из данных близких по смыслу слов.

9. 1. Небо (закрыло, заволокло) тучами. 2. Разведчики внимательно (смотрели, наблюдали) за противоположным берегом реки. 3. Олени (спокойно, безразлично, равнодушно) паслись на поляне. 4. Наступило (жаркое, теплое, знойное, горячее) лето.

Дети обосновывают выбор синонима, например: «Лучше всего сказать: «Наступило жаркое лето». Можно и знойное, так говорят, если дождей нет, очень сухо. «Горячее лето» – так не говорят. А «теплое лето» – это неправильно, можно сказать весна теплая, а лето жаркое». (Приведено объяснение первоклассника.)

VI. Наблюдения над лексической сочетаемостью синонимических слов.

9. Одним из средств активизации словаря учащихся являются наблюдения над лексической сочетаемостью слов, обладающих неодинаковой способностью сочетаться с другими словами. Эти наблюдения над тем, с какими словами можно употребить тот или иной синоним, а с какими нельзя, следует проводить в виде упражнений в образовании словосочетаний с синонимическими словами. Значение подобных упражнений состоит в том, что они позволяют перейти от пассивного знания слов к их активному употреблению в речи. Приведем пример такого упражнения:

Запиши имена прилагательные с теми существительными, с которыми их можно употребить:

Коричневый, карий (платье, глаза, костюм).

Густой, дремучий (лес, туман).

Горячий, знойный (лето, вода, привет).

Смуглый, темный (волосы, лицо, небо).

Старый, пожилой (человек, учебник).

Образец: коричневое платье, коричневый костюм, карие глаза.

Необходимость проводить упражнения на материале словосочетаний вызывается еще и тем, что синонимия слов тесно связана с их многозначностью. Следовательно, если данное слово имеет несколько значений, то у него будут равные синонимы в зависимости от того, в каком значении слово употреблено. А поскольку значение слова, если оно многозначно, обнаруживается только в словосочетании или в предложении, то, очевидно, упражнения в подборе синонимов к словам, употребленным в разных значениях, возможны только на материале словосочетаний. Такие упражнения ценны в том отношении, что дают возможность учащимся глубже понимать значение слов. Вот образец такого упражнения. К данным словосочетаниям напиши словосочетания по образцу к имени прилагательному:

Тихий голос – чуть слышный голос.

Тихая езда –

Тихая ночь –

Верный друг – надежный друг.

Верный ответ –

Конечная цель упражнений над синонимами состоит в том, чтобы приучить учащихся выбирать синонимические слова из своего словарного запаса при выражении собственных мыслей. Поэтому в системе упражнений над синонимами видное место должны занимать творческие работы учащихся с заданием использовать в своей работе предложенные им синонимы. Работы такого типа могут проводиться в виде сочинений по картинке или в связи с проведенной экскурсией. Так, например, в сочинении об экскурсии на реку учитель может предложить употребить такие слова, как крутой, обрывистый (берег, склон), ключ, родник, источник и др., в отзыве о прочитанной книге уместным будет употребление таких синонимов, как изобразил, показал, описал, нарисовал и др.

Необходимо более подробно остановиться на характеристике одного приема, используемого наиболее часто, а именно – на подстановке синонимов.

Подстановка синонима правомерна в тех случаях, когда он очень близок по значению к незнакомому слову и когда он не наносит ущерба точному пониманию значения объясняемого слова или пониманию текста. В остальных случаях разъяснение значения при помощи подстановки синонима не может быть оправдано. Например, незнакомое слово замешкались заменяется словом задержались, слово лютые (морозы) – словом сильные, жестокие.

Подобная подстановка отнюдь не способствует овладению богатством русского языка. И в самом деле: ведь слову замешкались присуще своеобразное значение по сравнению со словом задержались. Замешаться означает не просто задержаться, а пробыть дольше, чем нужно. Лютый мороз – это не просто сильный мороз, а невыносимо тяжкий, причиняющий мучения. Следовательно, подставляя синоним, педагог упускает возможность обогатить словарный запас школьников по существу, т.е. сводится к тем знаниям, какими располагал школьник прежде. Появляется новое слово по своему составу, но учитель тут

же превращает его в старое по значению. Не получается никакого продвижения вперед в области мышления. Ведь в сознании школьника не появляются новые понятия, которыми он раньше располагал. Не используется благоприятный случай, который мог бы служить формированию тонкого различия понятий, имеющих общее, и в то же время обладающих отличительными особенностями. Например, при работе над значением слова рыскал (А той порой рыскал в поле голодный волк) полезно не только раскрыть значение данного слова, но и сопоставить со словом, близким по значению (например, рыскал – бегал). Сопоставление помогает выявить значение поясняемого слова и его специфику и в то же время отграничить от значения синонима.

Упражнения в подборе синонимов особенно полезны для выработки точности речи. Для этих целей можно иногда брать и отдельные слова (шалун – озорник, баловник; работа – труд, дело; большой – громадный, огромный; храбрый – смелый, отважный, бесстрашный).

Упражнения в употреблении синонимов лучше всего проводить в связи с составлением словосочетаний, предложений и даже связанных текстов, потому что только в связи с другими словами слово, имеющее несколько значений, обнаруживает свое конкретное значение. Так, к слову горячий можно подобрать синоним теплый (о печке, о воде, о хлебе), решительный, раздражительный (о человеке), напряженный, трудный (о времени).

Умение пользоваться синонимами является навыком сложным, и формируется оно постепенно на протяжении длительного времени путем разнообразных и хорошо подобранных упражнений. Поэтому, если дети к концу обучения в начальных классах научатся отличать в доступных текстах различные смысловые оттенки в названиях одних и тех же предметов, качеств или действий и сами в некоторых случаях смогут заменять в своих письменных работах одно слово другим, более подходящим к данному конкретному случаю, то это надо признать значительным успехом.

Работа над синонимами в начальных классах будет достаточно эффективна при наличии следующих условий:

1. Если упражнение над синонимами будут проводиться систематически и планомерно. Психологией доказано, что «наиболее восприимчивым и благоприятным возрастом в отношении языкового развития является младший школьный возраст». Исходя из этого работу над синонимами следует целенаправленно и систематически проводить в начальных классах. Она используется чаще всего в связи с изучением отдельных частей речи. Такая работа развивает у детей внимание и интерес к слову, делает их речь более точной и выразительной, формирует у них чувство языка, активизирует их умственную деятельность.

2. Если будет определен тот круг слов-синонимов, который может быть использован учителем в качестве практического материала для упражнений над синонимами.

3. Если на уроке будет создана такая речевая ситуация общения, когда ученик оказывается перед необходимостью речевых высказываний, когда у него появляется желание, потребность о чем-то рассказать, о чем-то поделиться и при этом использует синонимы.

Работа над синонимами должна проводиться и в 1-ом, и во 2-ом, и в 3-м, и т.д. классах, чтобы обеспечить преемственность в обучении русскому языку, его лексике в средней школе.

Работа от класса к классу должна вестись в количественном (запомнить как можно большее число слов) и качественном изменении. В первом классе учащимся не предлагаются упражнения, специально направленные на работу с синонимами. Учителю следует самостоятельно подбирать задания (лучше всего, если они будут связаны с темой, которую дети сейчас проходят) на синонимы, т.к. если не будет пропедевтической работы с этим материалом, то ребятам, конечно, трудно будет ввести весь представленный лексический материал в свой активный словарь.

Учитывая психологический шок первоклассников, учитель может ограничиться активацией словаря без сообщения теоретических сведений, предусматривать лишь практическое знакомство со словами, близкими по

значению. Тогда во втором классе нужно начинать систематическую работу по ознакомлению, изучению и усвоению синонимического материала на теоретическом уровне. Необходимо отметить, что шаблонность и стихийность в лексической работе на уроках русского языка недопустимы. Нужна, как уже было сказано выше, последовательная, постоянная работа над словом, которая планируется на каждый день и на перспективу. В первом классе возможна работа над 10-15 синонимическими рядами, во втором – над 25-30, в третьем – над 50-60.

Если в первом классе учащиеся знакомятся с ограниченным количеством синонимических рядов (красный-алый), то во втором классе названный синонимический ряд может быть расширен введением в них слов из синонимического словаря и сферой употребления данного слова-синонима в речи (красный – алый – пунцовый – кровавый – кумачовый – рубиновый и рубинный – гранатовый – червонный).

Упражнения с синонимами можно проводить на разных этапах урока (в связи с проверкой домашнего задания, при закреплении нового материала, при повторении слов из словарика), в занимательной форме они наиболее эффективны в середине урока, т.к. являются своеобразной разрядкой, но возможны также в начале или в конце урока. На проведение их бывает достаточно от 3 до 5 минут. Они оживят урок, обеспечат активную мыслительную деятельность.

Следует периодически проверять степень усвоения учащимися различных синонимов. Хорошие результаты дает использование цветных сигнальных карточек. Можно использовать двухцветные карточки: одна сторона зеленая, другая – красная. Проверка проводится устно. Называются слова. Если ученик знает синоним к слову, он показывает карточку зеленой стороной, если не знает – красной. Время на такой опрос может быть выделено в начале или в конце урока. Важно, чтобы дети не только называли синонимы, но и могли объяснить значение слова, смысловые оттенки, придумать предложение. [] Следует отметить некоторые приемы работы над синонимическим материалом:

- работа со словариком;
- использование картинок, рисунков;
- проведение различных игр;
- карточки с индивидуальными заданиями.

Также нужно сказать о том, что проблема обучения лексики вообще не должны решаться в отрыве от обучения грамматике, поскольку грамматическое значение слова существует лишь в тесной взаимосвязи с лексическим, поэтому для понимания речи одинаково важна не только информация, которую несут слова как лексические единицы, но и информация грамматическая.

Синонимы в функции средств межфразовой связи весьма редко встречаются в речи школьников.

Синонимы, являясь средствами соединения предложений в тексте, реализуя, как и другие знаменательные слова, номинативную функцию в языке, могут иметь предметное, локальное, темпоральное (временное) и другие значения и выражаться любой частью речи.

Пропедевтическая работа по ознакомлению школьников с синонимической заменой должна начинаться в 1-2 классах. Основная цель этой работы показать на примере синонимов с предметным значением (к которым, кроме собственно синонимов, из методических соображений относят также слова с родо-видовыми значениями и рассматривают их как контекстуальные синонимы) их роль в сохранении смыслового единства текста и создании благозвучности.

Все упражнения, позволяющие формировать указанное умение, можно разделить на три группы.

I. Упражнения, позволяющие проводить анализ текстов с целью наблюдения за синонимической заменой – средством соединения предложений в тексте.

1. Наблюдение и анализ синонимов с предметным значением в функции средства межфразовой связи. Например, дан текст:

Очень красивы деревья ранней осенью! Как хороши осины и клен! Пылают гроздья рябины. Вон налетела на дерево стая дроздов. Рябины для них – любимая ягода.

Ход анализа.

- Прочитайте текст. О чем говорится в 1-ом предложении? (О деревьях.)

О каком именно дереве идет речь в 3-м и в 4-м предложениях? (О рябине.)

Каким другим словом названа рябина в 4-м предложении? (Дерево.)

Можно ли сказать, что здесь они синонимы? (Да.)

Какое из этих слов имеет широкое значение, какое – узкое? (Слово дерево имеет широкое значение, а слово рябина – узкое.)

Правильно. Четвертое предложение связывается в нашем тексте с 3-м с помощью слова дерево, которое имеет широкое значение и является синонимом слова рябина.

2. Наблюдение и анализ синонимов с локальным значением.

Пионеры в лагере выбирали себе работу по желанию. Одни шли в Лесю там они собирали лекарственные травы и ягоды. Другие помогали колхозу.

Ход анализа.

- Куда шла одна часть пионеров? (В лес.)

что они делали в лесу? (Собирали лекарственные травы.)

Прочитайте еще раз 2-е предложение. Есть ли в нем слово в лесу? Каким другим словом заменено оно в 3-м предложении? (Словом там.)

Можно ли сказать, что эти слова здесь синонимы? (Можно.)

Итак, с помощью каких синонимов связываются между собой 2-е и 3-е предложения нашего текста? (В лесу, там.)

3. Наблюдение и анализ синонимов с временным значением.

Завтра ребята решили всем классом идти в лес. Сбор назначили в 9 часов у школы. Утром все были на месте.

Ребята с удовольствием погуляли в лесу. Вечером они вернулись домой.

Ход анализа.

- На какое время был назначен сбор ребят? (На 9 часов.)

прочитайте 3-е предложение. Каким другим словом заменено выражение в 9 часов? (Утром.)

- Итак, какие синонимы связывают 2-е и 3-е предложения между собой? (В 9 часов.)

II. Упражнения, требующие видоизменения в плане подбора или замены синонимических средств связи предложений.

1. Подбор подходящего синонима для соединения предложений в тексте.

Стайка птиц пролетела над лесной полянкой. Это клесты ... облетели вершину ели. Цепкими коготками они выбирали семена из шишек.

(Подбирается синонимическое слово с родо-видовым значением: птицы.)

Сашин папа работает в Африке. Он часто пишет письма домой. А недавно прислал... Саше в подарок бивень слона.

(Подбирается слово с синонимичным значением: оттуда.)

2. Подбор подходящего средства связи из ряда данных для соединения предложений текста.

Катя ходила на кукольное представление в театр. Она ходила ... с мамой. Спектакль им очень понравился. (Слова для вставки: сюда, туда, оттуда, там, в театр.)

3. Замена одних средств связи другими.

На опушке леса показался медведь. Он подошел к зарослям малины и стал есть ягоды. Вдруг зверь застыл на мгновение. Затем он бросился назад, в лес. (Заменяется слово зверь синонимом животное.)

III. Упражнения на конструирование текста с заданными средствами связи.

Составить рассказ на тему «Школьники», используя для соединения предложений между собой следующие слова: дети, они, школьники, ребята.

Примерный текст. Утром дети приходят в школу. Здесь они читают, пишут, рисуют, поют. После занятий школьники идут домой. Дома ребята учат домашние уроки.

Таким образом, у детей формируется представление о роли синонимов в тексте, они учатся использовать синонимы в своей речи, в сочинениях изложениях, заменять одни слова другими (синонимами). Для того чтобы правильно определить значение синонима, контекст играет важнейшую роль, так как только в контексте проявляется истинное значение слова или фразеологизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова А.Е. Побудительность как грамматическое и функционально-семантическое явление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. - 2010.- № 1 (11). - С. 31-36.

2. Глухих Н.В., Казачук И.Г. Изучение глагольных форм, реализующих волеизъявление, с использованием поэтических текстов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. - 2020.- № 2. - С. 69-87.

3. Салимьянова Г.В. Ядерные средства выражения побудительности в английском и башкирском языках // Доклады Башкирского университета. - 2019.- Т.4. - № 4.- С. 429-434.

4. Токтарова Н.К. Особенности побудительных конструкций с обращением в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 8 (50): в 3-х ч. - Ч.II. - С.183-185.

5.Ханджани Л. Обучение стилистическому использованию форм повелительного наклонения учащихся с неродным русским языком // Образование и воспитание. – 2016. – № 2 (7). – С. 75-77.

6. Храковский В.С., Володин А.П. – Семантика и типология императива. Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 272 с. ISBN: 5-354-00027-0).

Список литературы:

(1.1)

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.И. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 360 с., с. 250

2. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра [Текст] / Т.В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – С. 88–98., с. 91–92

3. Павлюковец, М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии:

функциональный аспект. Автореф. дис. . канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 22 с., с. 11

4. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15т. Т.5 : Кому на Руси жить хорошо. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. – 688 с.

(1.2)

1. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. – 272 с. – ISBN: 5-354-00027-0.,

2. Ханджани Л. Обучение стилистическому использованию форм повелительного наклонения учащихся с неродным русским языком // Образование и воспитание. 2016. № 2 (7). С. 75-77.,

3. Профессиональный стандарт. Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель) : утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

4. Тульцева А.Э. Глагол как объект изучения в современной лингвистике (когнитивный аспект) // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 8-6 (32). С. 63-66.

5. Челоне Ч. Виды глаголов повелительного наклонения в прагматическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 89–97. DOI 10.17072/2037-6681-2018-3-89-97

6. Годизова З.И., Томаев О.Т. Средства выражения побуждения в современном русском языке. // LINGUA-UNIVERSUM. 2019. № 6. С. 15-19.

7. Дускаева, Л.Р. Современный русский язык: Учебник. СПб. : Питер, 2017. – 512 с.

8. Терехина, В. Н. Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве: по итогам международной научной конференции / В. Н. Терехина, Н. В. Михаленко // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 153-156. DOI 10.26710/fk18-04-23.

(1.3)

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Сост. и вст.ст. А.А. Саакянц. М.: Правда, 1989.

2. Карпов И.П. Монологизм страстного сознания (Поэтика женского тела в «Темных аллеях»). Проза Ивана Бунина: Книга для студентов, преподавателей, аспирантов, учителей. М.: Флинта: Наука, 1999.

3. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.

4. Пономарев Е. Интертекст «Темных аллея»: Растворение новеллы в позднем творчестве И.А.Бунина. Новое литературное обозрение. № 150 2/2018. URL https://www.nlobooks.ru/magazines /novoje_literaturnoe_obozrenie /150_nlo_2_2018/article/19577/ Дата обр. 10.03.2019.

5. Ли Сан Чул. Женский образ в «Темных аллеях» И.А.Бунина в эстетическом прочтении. Преподаватель XXI век. № 2. 2014: 327-332.

(1.4)

1. Бунин И. А. Собрание соч.: в 9 т. / под общ. ред.: А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского / вступ. ст. А.Т. Твардовского. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 7 – 49

2. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М.: Академия, 2003. – С. 75

3. Старых О.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка / О.В. Старых. – М.: Вестник ПСТГУ, 2011. – С. 80 – 85.

4. Беличенко Е.А. Функционально-грамматическое варьирование лексем со значением частей тела человека (на примере сущ-х и глаголов back, hand, head и shoulder): автореферат дис. ...канд.филол.наук. СПб, 1999.

5. Подковырин Ю.В. О двухмерности смысла литературного произведения (на материале рассказа и. А. Бунина «Камарг» / Ю.В. Подковырин. – Вестник Кемеровского государственного университета. – Вып. – № 4-4 (64). – 2015. – С. 181-184.

6. Смирнова А.А. Иван Бунин. Жизнь и творчество / А.А. Смирнова. – М.: Просвещение, 1991. – С. 157

7. Зимина-Дырда Т.Ю. Функции цветообразов в портретах персонажей (на примере прозы Бунина) / Т.Ю. Зимина-Дырда. – Астрахань: Вопросы лингвистики и литературоведения, 2009. – С. 18 – 22

8. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева / И.А. Бунин / сост. и вст. ст. А.А. Саакянц. – М.: Правда, 1989. – 605 с.

9. Серикова Л.В. Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина: системное лексико-семантическое моделирование / Л.В. Серикова // Дис. канд. филол. наук: Бийский государственный педагогический унив. – Бийск, 2004. – 153 с.

10. Земская Ю.Н. Теория текста: учеб. пособие / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин. – Москва : Флинта, Наука, 2010. – 132 с.

11. Веселовский Д.Н. Из истории эпитета / Д.Н. Веселовский // Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 82 – 84.

(1.5)

1. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. III. Очерки по русскому языку деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. – 266 с.

2. Папина, А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов / А.Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.

3. Храковский, В. С. Семантика и типология императива: Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин / отв. ред. В.Б. Касевич. – изд. 2-е, стер. – Москва : Едиториал URSS, 2002. – 272 с.

4. Чепасова А.М., Казачук И.Г. Русский глагол: учебное пособие / А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. – 2-е изд., испр. и доп. – Челябинск : ЧГПУ, 2002. – 387 с.

5. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра [Текст] / Т.В.Шмелева // Жанры речи: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Е.Гольдин. – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.

(1.6)

1. Болдырев, Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты / Н.Н. Болдырев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1994.- 171 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта, 2009. – 520 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. - 4-е изд. - М. : Рус. яз., 2001. - 720 с.
4. Гин Я.И. Поэтика грамматики. - Петрозаводск, 2017. - 181 с.
5. Голуб И.Б. Стилистика русского языка
6. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов вузов / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. - М.: Флинта, 2008. -464 с.
7. Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н.И. Толстого / РАН. Ин-т языкознания; Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. - М.: Индрик, 1997. - 351 с. (Арутюнова Н.Д. От редактора // Язык и время. Логический анализ языка. М., 1997).
8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста - СПб.: Азбука, 2016. - 704 с.
9. Миниярова И.М. Функционально-семантическое поле личности в современном русском языке: Дис. ...канд.филол.наук. - Уфа, 1993. - 151 с. (с.3-4).
10. Николина Н.А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. Т. 1 / отв. ред. И.И. Ковтунова, Н.А. Николина, Е.В. Красильникова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2005. 429 с.
11. Пантелеев А.Ф. Вторичная именная предикация в неэлементарном простом предложении: Монография. - М. : РИОР, 2018. - 162 с.
12. Первалова О.А. Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: жанровая динамика и типология. - автореферат канд.филол.наук.-Екатеринбург, 2015. - 28 с.
13. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): Учебное пособие. - М. :

Высшая школа, 1979. - 219 с.

14. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). - Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1987. - 157 с.

15. Чепасова А.М., Казачук И.Г. Русский глагол: учеб.пособие. - 2-е изд., испр. и доп.- Челябинск : Изд-во Челяб. гос.пед. университета, 2002. - 387 с.

16. Шагинян М.С. О блаженстве имущего. Поэзия З.Гиппиус http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1912_o_blazhenstve.shtml дата обращения 15.04.2020

17. Яцуга Т. Е. Молитва и наставление в лирике З. Гиппиус в свете теории регулятивности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 1 (38). С. 41-44.

18. Яцуга Т.Е. Художественный мир З.Гиппиус в аспекте идей православной культуры // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 3 (118). С. 171-76.

(1.7)

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Оценка, событие, факт / отв. ред. Г.В. Степанов. – М., 1988. – 338 с.

2. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. – М., 1997. – С. 159–206.

3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 259 с.

4. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. III. Очерки по русскому языку деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. – С.67-122.

5. Федосюк, М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров [Текст] / М.Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

(1.8)

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. – М., 1997. – С. 159–206.

2. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра [Текст] / Т.В. Шмелева // Жанры

речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – С. 88–98.

3. Глухих Н.В. Синкретизм речевых жанров в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» / Н.В. Глухих // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития: сб. ст. международной науч.-практ. конф. (10 ноября 2018 г, г. Магнитогорск). – Магнитогорск: Аэтерна, 2018. – С. 158–161.

4. Казачук И.Г. Лингвистические средства создания портретных характеристик в рассказах И.А. Бунина [Текст] / И.Г. Казачук, Н.В. Глухих, Р.Х. Сафарова // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – № 3(76). – С. 427–428.

(2 глава)

1. Александров П.С. О понятии синонима // Лексическая синонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 29-43.

2. Алекторова Л.П. Об оттенках значений лексических синонимов // Синонимы русского языка и их особенности. – Л.: Наука, 1972. – 243 с.

3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1993. – 148 с.

4. Алефиренко Н.Ф. Соотношение значения и смысла в современной семантике // Семантика и уровни ее реализации: Сб. науч. тр. – Краснодар, 1994. – С. 4-8.

5. Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4. – С. 19-24.

6. Булаховский Л.В. Введение в языкознание. – Ч. 2. – М.: Учпедгиз, 1953. – 217 с.

7. Васильев Л.М. Значение в его отношении к системе языка. – Уфа, 1985. – 62 с.

8. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. – М.: Наука, 1977. – С. 118-139.

9. Гашева Л.П. Взаимосвязь многозначности и порядка расположения в

процессуальных фразеологизмах // Системные связи и отношения фразеологизмов: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1989. – С. 28-37.

10. Евгеньева А.П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимии современного русского языка. – Изд-во АН СССР. – М. – Л., 1966. – С. 4-29.

11. Евгеньева А.П. Синонимические и парадигматические отношения в лексике // Синонимы русского языка и их особенности. – Л.: Наука, 1972.– С.5-22.

12. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1972. – 100 с.

13. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая шк., 1986. – 310 с.

14. Звегинцев В.А. Язык и знание // Вопросы философии. – 1982. – № 1. – С. 71-81.

15. Львов М.Р. Методика развития речи младших школьников. М.: Просвещение, 1985.

16. Львов М.Р.; Рамзаева Т.Г.; Светловская Н.Н. // Методика обучения русскому языку в начальных классах. Москва «Просвещение» 1987.

17.

18. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.

19. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.

20. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

21. Ройзензон Л.И. Синонимические отношения слов и фразеологических единиц // Лексическая синонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 97-108.

22. Сидоренко М.И. Синонимический ряд фразеологических единиц // Актуальные проблемы русской фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1983. – С.121-130.

23. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. – 1955.– № 2.– С. 79-89.

24. С.Л. Соловейчик Педагогика для всех – М.: Времена2. Альфа, 2023. – 416 с.

25. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. – М., 1970. – С. 151-155.

26. Уфимцева А.А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия. – М. 1967. – С. 26-38.

27. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Челябинск, 1974. – 101 с.

28. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск, 1983. – 93 с.

29. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

30. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

31. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: ФАН, 1988. – 92с.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

32. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – 7-е изд. – М.: Рус. яз., 1993. – 495 с.

33. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.

34. Ашукины Н.С. и М.Г. Крылатые слова – М.: Худож. литература, 1987.

35. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1989. – 383 с.

36. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. – М.: ТЕРРА, 1997. – Т. 1-2.

37. Ожегов С.И., Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; – М.: Рус. язык, 1985. – 1988. – Т. 1-4.

38. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой.
– Л.: Наука, 1970-1971. – Т. 1-2Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского
языка. – М.: Азъ, 1995. – 928 с.
39. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова.
– М.: Рус. язык, 1986. – 543 с.
40. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. – М.: Рус.
яз., 1997. – 845 с.

Научное издание

Глухих
Наталья Владимировна,

Казачук
Ирина Георгиевна,

Шиганова
Галина Александровна

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Монография

ISBN 978-5-6051943-7-8

9 785605 194378 >

Подписано в печать 09.09.2024.

Формат 60×84^{1/16}. Усл. печ. л. 8,25.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman суг.

Печать лазерная. Тираж 100 экз. Заказ № 2995/24.

Подготовлено к печати в издательском центре «Титул»
Тел.: +7 351 215-04-15, +7 351 230-67-37; e-mail: titul74@inbox.ru

Отпечатано в ПЦ «ПРИНТМЕД»
454080, г. Челябинск, ул. Энтузиастов, 25а
Тел. +7 351 230-67-37; e-mail: rinmed@mail.ru